

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК

РЕДКОЛЛЕГИЯ СЕРИИ
„НАУЧНО-БИОГРАФИЧЕСКАЯ ЛИТЕРАТУРА”
И ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКАЯ КОМИССИЯ
ИНСТИТУТА ИСТОРИИ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ
И ТЕХНИКИ РАН
ПО РАЗРАБОТКЕ НАУЧНЫХ БИОГРАФИЙ
ДЕЯТЕЛЕЙ ЕСТЕСТВОЗНАНИЯ И ТЕХНИКИ:

*А. Т. Григорьян, В. И. Кузнецов, Б. В. Левшин,
З. К. Соколовская (ученый секретарь), В. Н. Сокольский,
Ю. И. Соловьев, А. С. Федоров (зам. председателя),
И. А. Федосеев (зам. председателя), А. Л. Яншин (председатель),
М. Г. Ярошевский*

В.Д.Доценко

**Всеволод Евгеньевич
ЕГОРЬЕВ**
1883—1967

Ответственный редактор
д-р военно-морских наук К. В. ПЕНЗИН

САНКТ-ПЕТЕРБУРГ
„НАУКА”
1995

ББК 68.66

Д 71

УДК 92 Егорьев

Доценко В. Д. Всеволод Евгеньевич Егорьев (1883–1967). – СПб.: Наука, 1995. – 128 с.

Книга посвящена жизни и деятельности контр-адмирала В. Е. Егорьева, известного ученого-моряка, профессора, доктора военно-морских наук. В ней освещен вклад ученого в создание и развитие нового направления отечественной географической науки – военно-морской географии, показано его участие в русско-японской, первой мировой и Великой Отечественной войнах, рассмотрены педагогическая деятельность в Военно-морской академии, работа в „Морском сборнике“, пропаганда географических и военно-исторических знаний.

Книга предназначена для всех интересующихся историей отечественной науки.

Рецензенты:

д-р ист. наук И. И. Локтионов,
д-р геогр. наук С. Б. Слевич

*Книга издана при финансовой поддержке
компании Внешпроминвест и
Ассоциации офицеров Российского флота
и приурочена к ее Первой конференции*

Д 1401020000-579 86-95 (II)
042 (02)-95

ISBN 5-02-024622-0

© В. Д. Доценко, 1995

© Российская академия наук,
1995

От редактора

Настоящая книга представляет собой первую попытку осветить жизнь и деятельность крупного советского ученого, военно-морского географа и историка, заслуженного деятеля науки РСФСР, доктора военно-морских наук, профессора, контр-адмирала Всеволода Евгеньевича Егорьева.

Потомственный моряк, участник трех войн, кавалер более двадцати русских, советских и иностранных орденов, В. Е. Егорьев внес значительный вклад в развитие советской военной науки. В 1912 г. была опубликована его первая научная статья, а всего из-под пера ученого вышло более 100 работ, посвященных актуальным проблемам военно-морской географии и статистики, ограничениям морских вооружений и военно-морской истории. Творчеству В. Е. Егорьева свойственны актуальность и глубина изучения поставленных вопросов, а также постоянное стремление полученные теоретические результаты довести до практического применения. Например, разработанная им методика оценки района боевых действий нашла широкое применение в практике флотов в годы Великой Отечественной войны и дала блестящие результаты.

Почувительной для молодых ученых является его общественно-политическая деятельность. Егорьев был одним из самых активных членов Географического общества СССР, Дома ученых им. М. Горького, общества „Знание” и ДОСААФа.

Большой вклад внес В. Е. Егорьев в дело подготовки командных и инженерных кадров для Военно-Морского Флота. В числе его учеников были такие прославленные адмиралы, как Н. Г. Кузнецов, И. С. Исаков, А. Г. Головкин, В. Ф. Трибуц, И. С. Юмашев, Ю. А. Пантелеев и многие другие.

Автору удалось разыскать ценные архивные материалы, которые помогли во всех деталях воссоздать жизненный путь незаслуженно забытого ученого-моряка и его вклад в теорию и практику советской военной науки. Многие документы в научный оборот вводятся впервые, что делает книгу особенно интересной.

Хочется надеяться, что книга кандидата исторических наук, профессора В. Д. Доценко вызовет интерес у самого широкого читателя.

Профессор К. В. Пензин

*Посвящается 100-летию Кафедры
истории военно-морского искусства
Военно-морской академии*

Предисловие

В книге о профессоре В. Е. Егорьеве, посвященной жизни и деятельности ученого, показан его большой вклад в отечественную военную науку, а также освещены малоизвестные страницы из истории флота, к которым сопричастен ученый, ибо отделить ученого от человека и его окружения не только невозможно, но и вредно для понимания всего им выполненного.

В условиях развернувшейся в стране перестройки и обновления стало возможным вспомнить о незаслуженно забытых ученых, тех, кто стоял у истоков советской военной науки, отдавая ей без остатка все силы и знания. Атмосфера гласности позволила ввести в оборот много новых исторических фактов, давших возможность полнее и глубже осмыслить прошлое и этим укрепить духовную связь поколений.

В работе над рукописью широко использованы документы Российского государственного архива Военно-Морского Флота (РГАВМФ), Центрального военно-морского архива (ЦВМА), Архива Русского географического общества (АРГО), Центральной военно-морской библиотеки (ЦВМБ), а также личные документы и воспоминания семьи Егорьевых.

Ценные сведения были получены от бывшего эмигранта, протоиерея Б. Г. Старка, хорошо знавшего семью Егорьевых.

Автор надеется, что научная биография В. Е. Егорьева будет интересна не только специалистам – военно-морским географам и историкам, но и особенно нашей молодежи, выбирающей свой жизненный путь.

Большую помощь в подготовке рукописи оказала дочь В. Е. Егорьева – действительный член Географического

общества, кандидат географических наук Анастасия Всеволодовна Егорьева. Она любезно предоставила документы из семейного архива и бóльшую часть иллюстраций. Автор выражает ей особую признательность.

Рекомендации ученика В. Е. Егорьева — профессора К. В. Пензина, военно-морских географов А. П. Алхименко и О. А. Мрыкина, военно-морского историка И. И. Локтионова, а также сотрудников музея Военно-морской академии Н. А. Залесского и О. М. Плотникова способствовали объективному изложению материала. Автор сердечно благодарит всех за оказанную помощь.

Глава 1

Детство, юность. В Морском корпусе. Через три океана на „Богатыре”

Отец Всеволода, Евгений Романович Егорьев, ко времени рождения сына был уже опытным и бывалым моряком. Окончив петербургское Морское училище в 1876 г., он седьмой год плавал на кораблях Сибирской флотилии. Это было время интенсивного освоения Россией Дальнего Востока, его рек и морей. После потери владений на Аляске и в Калифорнии кругосветные и полукругосветные походы русских кораблей в Тихом океане сменились активными плаваниями в северо-западной его части. На клипере „Абрек”¹ Егорьев старший не раз пересекал Тихий океан, на канонерской лодке „Морж” плавал в Японском, Желтом, Восточно- и Южно-Китайском морях, на миноноске „Форель” поднимался вверх по великому Амуру и китайской реке Янцзыцзян. Побывал он в Сан-Франциско, Шанхае, Гонконге и во многих портах Японии и Кореи.²

Всеволод, как и дети большинства морских семей, о море знал больше, чем о суше. Оно было совсем рядом. Из окон их дома были видны корабли на рейде, слышны шум прибоя и крики чаек. Очень часто он с сестрой, совсем еще маленькие, держась за руки матери, выходили на городскую пристань встречать возвращающегося из плавания отца. Всеволоду всегда казалось, что он раньше всех замечал появление на горизонте судна, а потом не сводил с него глаз, пока оно не бросало якорь в бухте Золотой Рог, а затем вельбот отходил от борта.

¹ С. О. Макаров так характеризовал плавания „Абрека”: „Кто из бывших в Тихом океане в 60-х годах не помнит braveго клипера «Абрек», который был самым лихим судном самого лихого периода нашей Тихоокеанской эскадры адмирала Попова» („Витязь” и Тихий океан. СПб., 1894. Т. 1. С. 336).

² РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 123, л. 10.

Евгений Романович Егорьев.
Нагасаки, 1880 г.

Мальчику запомнилось на всю жизнь, как при встрече отец высоко поднимал его на руки, а затем, уже дома, по вечерам, сидя у отца на коленях, он рассматривал альбом с его рисунками, выполненными не хуже профессионального художника. Отец рисовал в основном морские сюжеты: белокрылые парусники, морской прибой, громадный кит, всплывший на поверхность океана и пускающий высокий фонтан, чайки с распростертыми крыльями. Везде море, море...

Во время одной из зимних стоянок во Владивостоке Евгений Романович встретил свою будущую жену Анну. Их познакомил женатый на ее старшей сестре Степаниде русский военный инженер Модест Васильевич Гаккель, занимавшийся в то время прокладкой телеграфной линии

Анна Яковлевна Егорьева (Аксенова).
Нагасаки, 1880 г.

между Благовещенском и Владивостоком и строительством маяка на острове Аскольд. Потеряв отца, иркутского купца третьей гильдии, Анна, закончив гимназию, переехала из родного Иркутска во Владивосток и жила у Гаккелей. Евгений Романович часто проводил в их семье долгие зимние вечера, которые проходили за интересными беседами, слушанием музыки и веселыми шутками остроумного хозяина дома. Как-то очень быстро и незаметно дружба между Анной и Евгением Романовичем переросла в любовь. В 1881 г. состоялась их свадьба.³

³ Там же, д. 116, л. 1.

Зиму следующего года молодая семья Егорьевых прожила в Японии, в Нагасаки, куда уходили некоторые русские корабли для производства мелкого ремонта. Когда же Егорьевы вернулись во Владивосток, на свет появилась дочь Александра, а через год, 23 октября (5 ноября) 1883 г. — сын Всеволод.

Когда Всеволоду исполнилось три года, Евгений Романович получил назначение на Балтийский флот. Семье с двумя маленькими детьми предстояло преодолеть трудный путь через всю Россию. Где в кибитках по тряскому бездорожью, где на паромах или буксирах, а где и просто пешком продвигались на запад, к Байкалу. После Иркутска по Большому сибирскому тракту добрались до Тюмени, затем опять водным путем до Перми и Нижнего Новгорода, и вот, наконец, Петербург. Анна Яковлевна и дети стойко перенесли все трудности долгой дороги. Обустроиться Егорьевым в Кронштадте помогли ранее переехавшие туда Гаккели — в то время Модест Васильевич занимался постройкой крепостных сооружений.

На Балтике Евгений Романович продолжил службу на паровом корвете „Скобелев”, переименованном так в честь выдающегося генерала, продолжателя лучших суворовских традиций в русской армии Михаила Дмитриевича Скобелева. На этом судне, которое раньше называлось „Витязь”, в начале 70-х годов Н. Миклухо-Маклай совершил дальнейшее плавание из Кронштадта на Новую Гвинею. Новый же парусно-паровой корвет, получивший название „Витязь”, под командованием С. О. Макарова находился в кругосветном плавании.

Кронштадтская жизнь семьи Егорьевых постепенно входила в привычное русло: подрастали дети, Саша начала учиться в женской, а Всеволод в мужской Кронштадтской гимназии. В летние месяцы Евгений Романович уходил в плаванья, а семья вместе с Гаккелями выезжала на дачу, как и многие кронштадтцы, на южный берег Финского залива, где любимым занятием Всеволода были гребля и парус. Зимние месяцы вся семья проводила вместе, жили дружно, родители с любовью воспитывали детей. Но внезапно, в 1895 г. на семью обрушилось непоправимое горе — после тяжелой болезни скончалась Анна Яковлевна. Ей не было тогда и сорока лет.

Дети потеряли горячо любимую, умную и любящую их

Всеволод с сестрой Сашей.
Кронштадт, 1889 г.

мать и воспитательницу, Евгений Романович — самого дорогого ему человека, близкого друга. Семья осиротела.

При этих обстоятельствах другого выхода не было, как отдать детей в закрытые учебные заведения, так как Евгений Романович постоянно находился или в море, или же был занят по службе на берегу. Дочь поступила в петербургский Елизаветинский женский институт, сын — в Морской корпус.

Но гимназические годы навсегда остались в памяти Всеволода. Более чем через полвека он со своим старшим товарищем по гимназии академиком В. М. Алексеевым вспоминал альма-матер, полуденный выстрел пушки, взлетающие при этом стайки голубей, кронштадтские считалки, марширующих по улицам матросов, громадные якоря на

площади, знаменитый кронштадтский футшток, от которого отсчитывались высоты необъятной России...

В 1896 г. отец отвез Всеволода в Петербург и определил его по малолетству в подготовительный класс Морского корпуса, того самого, в котором Евгений Романович учился сам. Так продолжились традиции семьи, уходящие корнями в далекое прошлое.

Евгений Романович был родом из Ревеля, куда в конце XVIII в. перебрался из Москвы его прадед Михайло Егорьев. В Москву же отец Михаила Андреевича якобы попал как солдат петровского набора из-под Архангельска. Такую версию семейное предание передавало из поколения в поколение. То, что среди поморов в XVIII в. были Егорьевы, подтвердилось в 1986 г. документами, разысканными в Государственном Архангельском областном архиве. Возможно, в прошлом Егорьевы, как и многие поморы архангелогородчины, ходили на промысел тюленя в горло Белого моря, били моржей и нерп у берегов Новой Земли, ловили рыбу в студёных водах северных морей. Может быть, зов предков привел из Москвы в приморский Ревель и Михаила Андреевича Егорьева.

За долгие годы „безупречной службы и ревностного усердия” Егорьевы в 1814 г. получили дворянское звание, открывавшее детям двери в привилегированные учебные заведения.⁴ На родовом гербе Егорьевых была сделана надпись: „Прямым путем”. Этому девизу они следовали всегда. Отец Всеволода, как и его дед, закончил Губернскую ревельскую гимназию, одну из старейших гимназий Европы, основанную еще шведами в 1630 г. Среди „ревельских” Егорьевых были и моряки, один из них отличился при героической обороне Севастополя в ходе Крымской войны.⁵

С чувством радости, но и не без тревоги и волнения Всеволод переступил порог Морского корпуса. Мальчика поразило само здание на берегу Невы, обилие моделей и картин со сценами морских баталий. Воспитатель не без гордости показывал подаренные корпусу картины И. К. Айвазовского и А. П. Боголюбова. На одной из них было изображено взятие в плен пароходофрегатом „Владимир”

⁴ Государственный исторический архив Эстонии (Тарту), ф. 178, ед. хр. 13240, док. № 2525–2537.

⁵ Российский исторический архив, ф. 1343, оп. 21, ед. хр. 260.

турецкого вооруженного парохода „Перваз-Бахри” во время Крымской войны. Отец рассказывал Всеволоду, что это был первый в истории бой паровых кораблей, а в музее корпуса ему показали флаг с парохода „Перваз-Бахри”, подаренный выдающимся флотоводцем В. А. Корниловым. На каждом шагу мальчику встречались знакомые имена: Г. А. Спиридов, Ф. Ф. Ушаков, И. Ф. Крузенштерн, Ю. Ф. Лисянский, М. П. Лазарев, В. И. Истомин, Г. И. Бутаков – все они были воспитанниками корпуса.

Пройдя „звериным коридором” с развешанными по стенам носовыми украшениями старых парусных судов, изображающих различных зверей, богинь и витязей, Всеволод попал на лестницу, ведущую на третий этаж, где, как он помнил из рассказов отца, помещалась церковь Морского корпуса. Из-за приоткрытой двери доносилось пение церковного хора. Шла служба. Все здесь сверкало: и яркое освещение, и ризы духовенства. Но Всеволода больше всего привлекли не роскошный иконостас и не мелодичное пение хора, а мраморные доски, висевшие по стенам храма. Сколько на них отразилось боев и сражений, сколько записано было имен убитых и погибших при исполнении долга бывших воспитанников корпуса! Все имена, имена в различных чинах и званиях, названия судов, даты, наименования мест, разбросанных по морям и океанам всего земного шара... Незаметно для себя он простоял всю церковную службу, разглядывая их.

Всеволод занимался прилежно и с вниманием слушал лекции Ю. М. Шокальского, Г. И. Шульгина, А. Н. Кудиновича, Н. О. Эссена. Позднее Всеволод Евгеньевич с чувством глубокой благодарности вспоминал их имена. Были, конечно, и слабые преподаватели, но они как-то забылись. В корпусе давали неплохие знания иностранных языков. Французским Всеволод овладел с детства, его с Сашей обучала приходившая на дом француженка, в корпусе же он изучал английский и немецкий.

За мелкие шалости приходилось отправляться на „румб” картушки компаса, выложенной на паркете зала (ныне „Компасный зал”) Морского корпуса. Учащиеся отбывали наказания стоя по стойке „смирно” на одном из румбов: один получал „путевку” на норд, другой на ост, а кто на зюйд или вест.

Трехмесячное ежегодное плавание воспитанников

Кадет Морского корпуса Всеволод Егорьев.
Петербург, 1897 г.

корпуса проводилось на парусных кораблях учебного отряда Морского корпуса, состоявшего из учебных судов „Князь Пожарский”, „Генерал-адмирал”, „Рында”, „Верный”, „Воин”, „Моряк” и блокшива „Невка”. Первое морское крещение Всеволод получил в 1897 г. на блокшиве „Невка”, а следующим летом он плавал на учебном судне „Воин”.⁶ Командиром судна был Евгений Романович Егорьев.

„Воин” был хоть и небольшим парусным судном, но и на нем работа, как и на всех парусных судах, ежеминутно

⁶ В 1923 г. „Воин” был переименован в „Трефолев” и прослужил в Советском ВМФ до начала 50-х годов.

На „Воине”. Балтийское море, 1897 г.
(В. Егорьев во втором ряду, третий справа).

требовала сообразительности, расторопности и вырабатывала смелость и лихость. Переходы под парусами без шума машин, дыма, угольной пыли и прочих „прелестей” паровых судов приносили душевное спокойствие и равновесие и прививали чувство любви к морю. Именно с тех пор море стало для Всеволода Евгеньевича близким и дорогим на всю жизнь.

Воспитанников приучали к педантичному порядку и безукоризненной чистоте. Почему-то особенно запомнились В. Егорьеву на „Воине” корабельные подвесные койки. На заседании военно-исторической секции Дома ученых в начале 50-х годов он рассказывал, что для спанья воспитанникам полагались подвесные койки. Выглядит такая койка очень аккуратно. В брезентовый чехол укладываются пробковый матрас, две простыни, подушка, одеяло, две деревянные распорки, все это туго закатывается и шнуруется через сделанные в чехле дыры. В таком виде койки укладываются наверху по борту и хорошо проветриваются за день. По вечерам воспитанники тащили койки вниз, расшнуровывали, с обоих концов чехла вставляли распорки и подвешивали к подволоку. Спать в них было очень

удобно, но хорошо скатать, по всем правилам, было не так просто, этому надо было научиться. Скверно было и то, что койки укладывались утром по порядку номеров и матрос-укладчик не принимал койку № 5, пока не была подана койка № 1. Поэтому несчастный воспитанник № 1 должен сразу почувствовать всю невыгодность своего номера, так как вставать утром ему приходилось раньше всех и за малейшую задержку ему неизбежно попадало от вахтенного начальника. Отец же, зная это, приказал выдать сыну несчастный № 1. Приходилось практиковаться в скатывании койки до седьмого пота.

Евгений Романович был одинаково требователен и строг и к сыну, и к другим воспитанникам, и к команде. Всеволод понимал, что так надо, так требует устав. Но все же на „Воине” его согревало сознание того, что он не одинок, что рядом не только строгий командир, но и любящий отец.

По вечерам Всеволод и его товарищи любили посидеть на баке, у фитиля. Иметь спички на судне возбранялось, и поэтому на носу у фок-мачты, по-морскому — на баке, на постланном брезенте стояла сигарная коробка с проделанным в крышке отверстием, из которого свешивался медленно тлеющий, специально приготовленный фитиль. Выделенный матрос следил, чтобы он не потух, и, когда надо, заменял его новым; таким образом тлеющий фитиль поддерживался днем и ночью. У этого фитиля, на брезенте рассаживались воспитанники, и тут обычно бывали интересные разговоры и веселые рассказы. Нередко к воспитанникам подсаживались командир и офицеры, и тогда все внимание переключалось на них. Евгений Романович очень увлекательно рассказывал о подвигах русских моряков, о своих плаваниях на Тихом океане, приносил книги о флоте.

Часто под вечер, когда с вахты поступало разрешение „петь и веселиться”, устраивались игры. Всеволод ждал их с нетерпением. Излюбленными были игра в „рыбку” и состязание на шесте. Для игры в „рыбку” человек 10–15 садились в круг, ногами к центру, ноги их накрывались тяжелым брезентом, под который прятались руки. У одного из сидящих в руке был жгут, скрученный из конца каната, а посередине на брезенте усаживался один из играющих на корточках. Быстро вытаскивая руку со жгутом из-под брезента, сидящего посередине огревали здоровым ударом по

спине, после чего жгут исчезал и быстро передавался по рукам. Получивший удар должен был схватить жгут, но жгут ловко путешествовал из рук в руки и в удобный момент искатель его получал удар за ударом, ворочаясь и бросаясь во все стороны. Поймав наконец злосчастный жгут, он сам садился в круг, а его место занимал пойманный со жгутом в руке. Игра эта всегда вызывала оживленное веселье и бесконечные прибаутки и остроты.

Любили они и состязания на шесте. Для этого на прочных веревках подвешивали за оба конца шлюпочную мачту. На некотором расстоянии друг от друга, лицом к лицу садились верхом на шест двое, вооруженные подушками. Ноги их болтались в воздухе, довольно высоко от палубы, и им приходилось балансировать, чтобы не упасть. Тут начиналась ярая битва подушками. Каждый старался сбить своего противника. Всеволод был небольшого роста, ловок и очень часто выходил победителем в подобном состязании.

В дождливые же дни воспитанники читали книги из судовой библиотеки, играли в шашки или шахматы или просто болтали.

Всеволоду очень нравился маневр съёмки „Воина” с якоря. Тишину разрывала команда вахтенного начальника: „Свистать всех наверх, с якоря сниматься!”. Тотчас же заливались трелью дудки унтер-офицеров и по всем палубам и закоулкам разносился их призыв: „Пошел все наверх, с якоря сниматься!”. По все трапам в бешеном темпе выбегали наверх матросы и воспитанники, толкая и торопя друг друга. Выходить шагом не полагалось, надо было непременно бежать. Быстрота работы везде и всегда — это было главное и основное требование на парусных судах.

На первых порах воспитанников обучали гребле на шлюпках. На 6-весельном яле под руководством офицера они проделывали все приемы с веслами. По команде „весла” надо было поднимать длинные, тяжелые весла, лежавшие посередине шлюпки на банках. Полагалось, взяв весло обеими руками, поставить его вертикально между ног и затем, опуская на вытянутую руку, без шума вставить в уключину и держать горизонтально к поверхности воды до следующей команды. Затем по команде „на воду” весла заносились назад, поворачивались в уключине и лопасть вертикально опускалась в воду, а затем делался мощный гребок. Горе было раньше времени в воде развернуть весло,

его неминуемо засасывало водой и чуть не выбивало из рук. Это, конечно, мешало другим гребцам, весла ударялись друг о друга, и нарушался ритм гребли. Это называлось „поймать рыбку”. Всеволоду, однако, сравнительно скоро удалось превзойти эту науку, и только немногие неудачники продолжали отдельно упражняться. Отец подарил Всеволоду книгу „О наивыгоднейшем способе гребли на катерах”, написанную лейтенантом гвардейского экипажа Н. А. Петровым, в которой в популярной форме была описана техника гребли.

Как и всей команде, Всеволоду труднее всего было заниматься уборкой парусов. Стоя на пертах (веревках, висящих вдоль реи), надо было подтягивать паруса, скатывать их и привязывать к реям. Это была очень трудная работа, и надо было крепко держаться, чтобы тяжелым парусом самого не сбросило с реи. Парусина жесткая, а руки все-таки детские, к такой работе еще не приучены. Порой бывало просто страшно. Но зато воспитывались настоящие морские качества, так как приходилось, кроме снастей, справляться еще и со своими нервами.

Больше всего Всеволоду нравилось хождение на шлюпках под парусом. Это было интересное занятие и красивое зрелище. Сильно накрененные шлюпки, черпая по временам воду бортами и вздымая брызги, неслись, обгоняя друг друга и снова отставая, теряя скорость на поворотах, и много надо было сообразительности и опыта, чтобы с честью выйти из состязания.

Всеволод часто выигрывал шлюпочные гонки. Победитель получал приз, обычно серебряные часы или маленькую серебряную дудку, точную копию унтер-офицерской, с выгравированной надписью.

Вспоминая эти годы, Всеволод Евгеньевич писал: „По шесть часов подряд нас крепко «драили» на шестерках, и тогда я горячо увлекся морским шлюпочным спортом”.⁷ Любовь к гребно-парусному спорту у Всеволода Евгеньевича осталась до самой глубокой старости. На даче, в Токсово он имел парусную шлюпку. Паруса для нее он кроил и шил вместе с женой. Отличное владение парусом осенью 1940 г. спасло ему и его спутнику жизнь. Во время перехода на шверботе из Куоккалы (Репино) в Ленинград их настиг

⁷ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 2, л. 31.

сильный шторм. Всеволод Евгеньевич сумел довести небольшое суденышко до города, войти в Неву и уже поздней ночью швартовался у причала яхт-клуба.

В 1911 г. в память о погибшем отце Всеволод Евгеньевич преподнес Балтийскому флоту в качестве приза победителю парусных гонок серебряный кубок с надписью: „Действующему флоту Балтийского моря приз имени капитана 1 ранга Е. Р. Егорьева, командира «Авроры», убитого в бою при Цусиме 14 мая 1905 г.». Судовой врач „Авроры” В. Кравченко писал о Евгении Романовиче: „Покойный командир отдал морю 40 лет своей жизни, но это не превратило его в грубого морского волка, а оставило тем же корректным, изящным джентльменом в полном смысле этого слова, под наружным вежливым мягким обхождением которого скрывалась железная сила воли. Он всегда считался лихим командиром, и я его помню еще на парусном крейсере «Воин» в кадетском отряде, когда он всегда так лихо, полным ходом, вплотную резал корму адмиралу. Он очень любил природу, прекрасно знал естественные науки, море любил, как немногие, учил молодежь понимать его красоту и любовался закатом, как истый художник”.⁸

Следующие два практических плавания, уже кадетом, Всеволод провел на крейсере первого ранга „Рында”,⁹ а летом 1901 г. его последнее плавание в Морском корпусе проходило на учебном судне „Верный”.¹⁰

В Морском корпусе было шесть рот, или шесть лет обучения. Шестая, пятая и четвертая роты соответствовали тогдашним пятому, шестому и седьмому классам реального училища, третья, вторая и первая роты – трем курсам высшего специального учебного заведения. Таким образом, шестая рота была младшей, а оканчивающие были выпускниками первой роты. Младшие три считались кадетскими, малышовыми, старшие – гардемаринскими.

При переходе в третью роту „малыши” превращались в мужчин. Звание „морской кадет” заменялось долгожданным „гардемарин”. Гардемарины приносили присягу и

⁸ Кравченко В. Через три океана. СПб., 1910. С. 221.

⁹ Крейсер „Рында” в 1917 г. был переименован в „Освободитель” и прослужил в Советском ВМФ до 1922 г.

¹⁰ Судно „Верный” в 1922 г. было переименовано в „Петросовет”, а в 1924 г. – в „Ленинградсовет”, прослужило до конца 50-х годов.

Гардемарин В. Е. Егорьев.
Петербург, 1901 г.

числились на действительной военной службе на флоте. С Егорьевым это произошло в 1899 г. Таким образом, на действительной военной службе он провел без года полвека: в царском флоте — восемнадцать лет, при Временном правительстве — менее года, при Советской власти — тридцать лет.

Одним из ярких воспоминаний В. Е. Егорьева был приход в Кронштадт „Ермака”. В семейном архиве Егорьевых сохранилась пожелтевшая от времени фотография, на которой изображен приход ледокола „Ермак”¹¹ на Большой

¹¹ Ледокол „Ермак” был заложен в 1897 г. в Англии по проекту вице-адмирала С. О. Макарова, обеспечивал переход кораблей Балтийского флота из Ревеля в Гельсингфорс, а затем в Кронштадт в 1918 г. В годы Великой Отечественной войны осуществлял проводку кораблей на Балтике. В 1949 г. награжден орденом Ленина. В 1964 г. выведен из эксплуатации и разобран на металл в Мурманске.

Кронштадтский рейд в марте 1899 г. На переднем плане крестиком обозначена фигура бегущего навстречу ледоколу мальчика – это пятнадцатилетний Всеволод. Сам В. Е. Егорьев об этом памятном дне рассказывал так: „4 марта утром был туман, но, к счастью, к 8 часам он рассеялся. Одевшись потеплее, мы с отцом отправились на Большой рейд. Народа было много. Все ждали свершения чуда. Многие не верили, что корабль сможет пробиться сквозь тяжелые льды. Около полудня на горизонте показался «Ермак», кто пешком, кто на лыжах, а кто и на извозчиках поспешили навстречу. Я с криком «ура» понесся за толпой. Подойдя к Купеческим воротам, «Ермак» стал салютовать. Белые струйки дыма вылетали то с правого, то с левого борта. Дружно ответили крепостные пушки. На эскадренном броненосце «Пересвет» грянул встречный марш. Все было поразительно: и тысячная толпа, бегущая за «Ермаком», и салют, и звуки оркестра, и величественный ледокол...

С глухим треском, ломая лед и подминая его под себя, корабль подошел совсем близко. Я увидел самого творца «Ермака» С. О. Макарова, который стоял на верхнем мостике и поднятием руки приветствовал встречающих».¹²

Через два года вышла в свет книга вице-адмирала С. О. Макарова „«Ермак» во льдах”, которая на долгие годы стала одной из любимых книг Всеволода Евгеньевича. По всей видимости, и это событие оказало влияние на выбор одного из научных направлений Егорьева. Север в будущем займет немалое место в его жизни и научной деятельности. А В. Е. Егорьев напишет в воспоминаниях о детстве: „Незабываемое впечатление оставили прохождение взламывающего лед «Ермака» и крупная фигура С. О. Макарова на мостике с его рыжеватой бородой”. И под конец запишет: „Три восторга было у меня при соприкосновении с новой техникой века – «Ермак», первый самолет на Комендантском аэродроме и детекторный приемник”.

Начало 1901 г. было ознаменовано крупным событием: Морской корпус праздновал свой 200-летний юбилей. Торжество началось парадом взвода гардемарин и кадетов,

¹² Семейный архив Егорьевых. Все цитируемые далее письма хранятся в этом архиве.

одетых в форму воспитанников корпуса, которую они носили начиная с времен Петра Великого. Всеволоду запомнилось посещение корпуса царем Николаем II. Вечером состоялся юбилейный спектакль „Евгений Онегин” в Мариинском театре. Весь театр был заполнен представителями избранного общества Петербурга. Торжество закончилось грандиозным балом, на котором присутствовало 8 тысяч человек.

Осенью 1901 г. В. Егорьеву был присвоен чин старшего гардемарина, а 6 мая 1902 г., отлично выдержав все выпускные экзамены и получив высшие баллы по ведущим дисциплинам, трем иностранным языкам¹³ и за поведение, он стал мичманом.¹⁴ Это был первый офицерский чин в русском флоте. Молодому офицеру давалось право ношения нагрудного знака об окончании Морского корпуса и юбилейного — в честь его 200-летия. В аттестате появилась запись: „Оч. исправен, оч. способен, оч. прилежен”.

Позже, вспоминая годы учебы в Морском корпусе, Всеволод Евгеньевич сетовал на то, что в учебных программах практически не отводилось места и времени для изучения минного, артиллерийского и штурманского дела, — все в корпусе было подчинено морской подготовке. Об этих недостатках морского образования в России он напишет через несколько лет после выпуска на страницах журнала „Морской сборник”.

В связи с значительным обострением международных отношений на Дальнем Востоке царскому правительству пришлось срочно усиливать свой флот. В ноябре 1895 г. на специальном Особом совещании отмечалось, что рост военно-морских сил Японии представляет серьезную угрозу для России. Совещание констатировало: „России необходимо теперь же... выработать программу судостроения для Дальнего Востока с таким расчетом, чтобы к окончанию судостроительной программы Японией наш флот на Дальнем Востоке превышал значительно японский”.¹⁵

¹³ Евгений Романович в сентябре 1903 г. писал сыну: „Пожалуйста, не забудь, что иностранные языки — положительно капитал для дальнейшей жизни человека и в особенности теперь и в недалеком будущем, когда благодаря прогрессу сношения между людьми становятся все быстрее и чаще”.

¹⁴ РГАВМФ, ф. 432, оп. 31, д. 7004, л. 1.

¹⁵ История русской армии и флота. М., 1913. Вып. 15. С. 17.

Через два года была выработана кораблестроительная программа, предусматривавшая постройку кораблей специально для Дальнего Востока, а в следующем, 1898 г. она была утверждена Николаем II. Новая программа предусматривала строительство 5 эскадренных броненосцев, 16 крейсеров, 30 миноносцев и 4 минных транспортов, рассчитывая за 7 лет завершить строительство и в 1905 г. получить желанные корабли. В Германии, в Штеттине, для России строился крейсер первого ранга „Богатырь”, на который и был назначен младшим штурманом В. Е. Егорьев.

Получив это назначение, Всеволод сразу же сообщил об этом отцу, который также находился в Германии, наблюдая за постройкой учебного судна для русского флота „Океан”.¹⁶

Приехав в Штеттин, после представления командиру „Богатыря” капитану 2 ранга А. Ф. Стемману и ознакомления с кораблем Всеволод получил недельный отпуск, во время которого побывал в Киле, где встретился с отцом, а затем совершил небольшую поездку по Германии. Его поразили Кильский канал, строительство которого было закончено в 1895 г. В записной книжке Всеволод Евгеньевич отметил: „Важнейший в стратегическом отношении для Германии водный путь из Немецкого в Балтийское море. Рассчитан на крупные океанские суда”. Во время поездки он побывал в Берлине, Дрездене, Саксонской Швейцарии, с интересом осмотрел основные достопримечательности этих мест.

После успешно проведенных заводских ходовых испытаний крейсера В. Е. Егорьеву было вручено предписание на заграничное плавание. Предстоял исключительно интересный и трудный переход через три океана и многие моря. На несколько дней „Богатырь” зашел в Либаву для пополнения запасов. Из Либавы Всеволод Евгеньевич писал сестре в Петербург: „Здесь собралась вся наша эскадра, завтра идем в Киль. Вероятно, наш путь пройдет до Порт-Артура”.

К переходу на Дальний Восток готовились эскадренный броненосец „Ретвизан” и крейсера „Боярин”, „Паллада”,

¹⁶ В 1922 г. на торжественном заседании V съезда комсомола был оглашен приказ РВС Республики о переименовании „Океана” в „Комсомолец” в честь шефства РКСМ над флотом. В составе ВМФ судно находилось до 1961 г.

„Диана” и „Богатырь”.¹⁷ В Средиземном море к ним должны были присоединиться другие корабли.

Выход из Либавы был обставлен торжественно. На кораблях были подняты флаги расцвечивания. Играли духовые оркестры. С берега гремели прощальные салюты. Хотя погода была пасмурная и моросил мелкий дождь, настроение у экипажа было приподнятое. Всеволоду тогда казалось, что их эскадра была огромной силой, способной сокрушить любого врага. Все слабые стороны кораблей русского флота он узнает потом, когда вступит в бой с японскими кораблями. Он не знал тогда и того, что морское министерство вынуждено было в 1902 г. вывести из Тихого океана для ремонта на запад эскадренные броненосцы „Наварин”, „Сисой Великий”, „Император Николай I”, а также крейсера „Адмирал Нахимов”, „Дмитрий Донской”, „Владимир Мономах” и „Адмирал Корнилов”.¹⁸ Так что фактически никакого увеличения морских сил на Дальнем Востоке не получалось, была создана только его видимость.

Как младший штурман В. Е. Егорьев заранее был ознакомлен с маршрутом предстоящего перехода. Его обрадовало то, что через несколько дней предстоит кратковременная стоянка в Кильской бухте, где находился спущенный на воду для испытаний главных машин „Океан”. Где-то в глубине души он очень ждал встречи с отцом. К большому его огорчению, южная Балтика встретила их плотным туманом и корабли были вынуждены трое суток стоять на якорях. Это сокращало стоянку в Киле. Когда рассеялся туман и они вошли в Кильскую бухту, Всеволод увидел вдали слегка покачивающийся на волнах трехтрубный белый красавец „Океан”.

Встреча с отцом была недолгой. Всеволод был занят вахтами, а отец, как старший на рейде, — срочными делами по приготовлению кораблей к дальнейшему пути. Все же несколько раз им удалось встретиться. Всеволод побывал на „Океане”, а Евгений Романович — на „Богатыре”.

Радость их встречи омрачало беспокойство за судьбу Саши. Блестяще окончив институт, она так и не нашла своего места в жизни. Ее угнетало одиночество, к тому же строился предполагаемый брак с любимым человеком.

¹⁷ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 94, л. 1.

¹⁸ История русской армии и флота. Вып. 15. С. 21.

Находясь далеко, отец и брат могли поддерживать ее только частыми, нежными и заботливыми письмами.

Первым европейским городом, куда заходили корабли, была столица Дании Копенгаген, крупнейший торгово-промышленный и культурный центр, единственная военноморская база государства. Офицеры „Богатыря” посетили знаменитую церковь Богоматери и музей со скульптурами Торвальдсена и Троицы, с круглой башней, служившей для астрономических наблюдений, королевский дворец, побывали в ратуше, осмотрели два замка XVII в. — Розенборг и Шарлоттенборг: в первом находился исторический музей, во втором — картинная галерея. В письме к сестре Всеволод писал: „... даже не удержался и купил копию его (Торвальдсена. — В. Д.) статуэтки”.

Мыс Скаген прошли ночью. Всеволод стоял на вахте. С юношеской непосредственностью писал он отцу: „Вышел на вахту и обалдел. Весь горизонт усыпан белыми огнями — это рыбаки в Немецком море, но их такая масса, просто ужас. Многие из них зажигают огни, когда чуть ли не попадают под форштевень”.

В английском Портсмуте русские корабли принимали уголь, Всеволод успел побывать в Лондоне. Город ему не понравился: „Вчера, дорогой папа, вернулся из Лондона. Город произвел гнетущее впечатление — туман, уголь, все дома черные... Были в Британском музее. В Вестминстерском аббатстве слушал мессу и орган. Англичане чопорные какие-то и держат себя крайне нахально”.

Атлантический океан встретил большой зыбью. Крейсер делал громадные размахи. Казалось, крылья мостика того и гляди уйдут в воду. Крепко ухватившись за поручни, Всеволод не переставал любоваться океаном. Несмотря на то что брызги обдавали его с ног до головы, он не покидал мостик до наступления темноты.

Пройдя Бискайский залив, отдали якорь на рейде испанского порта Виго. Следующую стоянку „Богатырь” сделал в Лиссабоне. В письме Саше он писал: „В реке Тахо, попадая на отмельные места, прилив создает в реке крутую волну, на которой «Богатырь» качало так же, как в Питере ялик на бурунах от прошедшего парохода”.

Гибралтар проходили ночью, при луне. Всеволод стоял на вахте. С правого борта, на африканском побережье едва заметно мерцал огонек маяка, с левого же круто возвыша-

лась скала, на которой находилась английская морская крепость. Из лоции он узнал, что в древности скалистый мыс называли Геркулесовыми столпами. До середины XVI в. здесь было место укрытия алжирских пиратов. Во время войны за испанское наследство, в 1704 г. Гибралтар был взят соединенными силами английского и голландского флотов. С тех пор англичане и владеют Гибралтаром.

В Средиземном море зыбь улеглась. Вскоре отряд зашел в Алжир. Посылая сестре ящик апельсинов, Всеволод писал: „Чудную картину являет сам Алжир ночью. Город залит миллионами огней, которые в штиль отражаются в зеркале моря вместе со звездами и луной. А днем просто великолепие: небо и море голубые, дома все белые — внизу европейские, а в верхней части города арабские. У них крыши желтые, голубые — и все это залито массой света. А ребятишки — прелесть, если бы не так грязны”.

После непродолжительной стоянки корабли взяли курс на остров Крит, где простояли более суток в очень невзрачной, но удобной бухте Суда.

Заход в Пирей, аванпорт греческой столицы, продолжался четверо суток. В порту находилось множество торговых судов, прямо на берегу шла оживленная торговля самыми разнообразными товарами. Местами виднелись развалины старой крепостной стены, которая опоясывала весь полуостров и защищала Афины от нападения врагов с моря. Перед самым выходом Всеволод получил от отца телеграмму со скорбным известием о внезапной смерти Саши.

В Порт-Саид корабли заходили для приемки угля. „Простояли порядочно, — писал Всеволод отцу, — были атакованы арабскими мальчишками и продавцами всякой экзотики. Они так навязчивы, что приходится разгонять их из брандспойта, иначе они штурмом возьмут крейсер”.

Переход Суэцким каналом занял чуть более десяти часов. Еще в Морском корпусе Ю. М. Шокальский много рассказывал кадетам о Суэцком канале, намного сократившем путь из Атлантического в Индийский океан, о том, что идея создания канала возникла еще в 1799 г. и что по поручению Наполеона инженер Лепер исследовал зону будущего канала, но, неправильно определив уровень Красного моря, пришел к выводу о неосуществимости его постройки. В 1830 г. английский инженер Чесней обнаружил ошибку Лепера. Но к строительству канала приступили только

В Египте (В. Егорьев первый справа). 1903 г.

через тридцать лет. При этом его сооружение вызвало ожесточенное сопротивление со стороны Англии, не желавшей, помимо контролируемого ею пути вокруг Африки, иметь более короткий, но не контролируемый путь в Индию, Австралию и Китай. Но все же в 1869 г. Суэцкий канал был открыт.

У южного выхода из канала корабли зашли в порт Суэц, там принимали пресную воду, поступающую из Нила по каналу, берущему свое начало у Каира. Почти все офицеры „Богатыря” посетили победоносную столицу Египта — так с арабского переводилось название „Каир”. Приятели уговорили и Всеволода посетить этот экзотический уголок Африки. Его поразил каирский музей, имевший лучшее и обширнейшее в мире собрание египетских древностей. Офицеры побывали в мечети султана Гасана — одном из наиболее выдающихся памятников древней арабской архитектуры в Египте. В окрестностях города осмотрели гробницы халифов, и, конечно, древние египетские пирамиды,

где даже покатались на верблюдах и сфотографировались на память.

Индийский океан встретил тропической жарой. Корабли повернули к Адену – английской крепости в южной части Аравии. Там перед выходом в океан многие пароходы запасаются углем. За гроши сотни арабов, сомалийцев, индусов и негров были согласны таскать на спине тяжелые мешки с углем днем и ночью. Рабочая сила здесь была намного дешевле, чем в Порт-Саиде, где русские корабли принимали последний раз уголь.

В океане Всеволода удивила изумрудного цвета вода, летучие рыбы, стелящиеся в воздухе, повторяя изгибы волн. Через несколько суток на горизонте появился Цейлон. Все было удивительно на этом экзотическом острове. Несмотря на то что по календарю был январь, термометр показывал почти тридцать градусов жары. Спасались в тени гигантских деревьев. Местные торговцы завалили кают-компанию сочными цейлонскими ананасами и кокосовыми орехами. Всеволод был потрясен храбростью местных рыбаков, уходящих в океан на промысел на легких и утлых катамаранах.

В Малаккском проливе, где все чаще и чаще стали попадаться встречные или обгоняющие большим ходом суда, начались тропические ливни. На кораблях появились больные малярией, говорили – „сингапурской”. Совершенно неожиданно открылся и сам Сингапур. Всеволод увидел высокий собор в готическом стиле и стоящие у причалов английские корабли.

„И здесь англичане?” – подумал про себя Всеволод. Находясь на пересечении важнейших путей из Индийского в Тихий океан, Сингапур имел стратегическое значение для Англии, сумевшей превратить его в крупнейшую военноморскую базу.

Оставив по правому борту белый конусообразный бакан и опасные скалы, заметные по бурунам, корабли вошли в Южно-Китайское море. Здесь командир крейсера доверил Всеволоду исполнять обязанности старшего штурмана. Из Гонконга он писал отцу: „По прибытии во Владивосток, может быть, смогу поступить в штурманские классы, это, конечно, прибавит мне хоть немного знаний”.

Несмотря на то что в Гонконге свирепствовала холера, офицерам с „Богатыря” все же удалось подняться по

канатной дороге на гору Виктория, откуда открывался прекрасный вид на город, порт и море. После Гонконга корабли в одной из бухт стали на якорь и провели учебные артиллерийские стрельбы.¹⁹ Всеволод уже тогда отметил, что уровень артиллерийской подготовки на кораблях невысок, нет четкой организации в управлении силами при ведении огня несколькими кораблями одновременно по одной цели.

Подходило к концу более чем полугодовое плавание, из которого два с половиной месяца прошло в тропиках. У Порт-Артура крейсера „Богатырь”, „Громобой” и „Россия” вместе с минным заградителем „Енисей” отделились от остальных кораблей и под флагом адмирала Штакельберга взяли курс на Владивосток. Вместе с „Рюриком” эти корабли составили Владивостокский отряд крейсеров.

Всеволод встретился с городом своего раннего детства. Владивосток очень понравился ему. Может, где-то в глубине души проснулись давние воспоминания о тепле родительского дома, дружной семье и материнской ласке...

Летом 1903 г. „Богатырь” совершил несколько плаваний в Японском и Охотском морях. За это время Всеволод смог изучить район плавания, успел познать все прелести и капризы здешнего климата.

Осенью во Владивосток пришел „Океан”. Его строительство было закончено весной. В марте отец писал Всеволоду: „Нас смотрели Макаров и Рождественский. Последний остался очень доволен и благодарил за блестяще оконченную работу”. А 16 мая корабль посетила царская семья, которая обратилась к Е. Р. Егорьеву с просьбой „свезти (по пути на Дальний Восток) в Тулон на строящийся там «Цесаревич» 300 человек команды”. На борту „Океана” совершил свое первое дальнее плавание будущий академик А. Н. Крылов. В своих воспоминаниях он писал: „...летом пошел в плавание на учебном судне «Океан» из Ливава в Порт-Артур”.²⁰ Алексей Николаевич доставил для кораблей флота Тихого океана расчеты и таблицы, показывающие влияние затопления отделений на крен, дифферент и остойчивость.

¹⁹ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 93, л. 32.

²⁰ Академик А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 136.

Евгений Романович Егорьев с сыном Всеволодом.
Владивосток, 1903 г.

Это по существу была первая попытка внедрения крыловских таблиц непотопляемости в русском флоте. В архиве сохранилось свидетельство на свободный проезд А. Н. Крылова от Порт-Артура до Санкт-Петербурга, выданное в Порт-Артуре 1 сентября 1903 г. командиром „Океана” капитаном 1 ранга Е. Р. Егорьевым.²¹

В память о встрече отец подарил сыну свою английскую подзорную трубу, с которой не расставался никогда.²² Отец и сын сфотографировались в ателье на Светланской. Это была их последняя встреча...

²¹ Там же. С. 792.

²² Теперь эта подзорная труба является экспонатом музея крейсера „Аврора”.

Пробыв около двух недель во Владивостоке, „Океан” возвратился в январе 1904 г. в Кронштадт. „За быстрое хождение на Дальний Восток и обратно” Евгений Романович получил благодарность от морского начальства.

Поздней осенью Всеволода перевели на „Россию”, где ему пришлось исполнять обязанности младшего артиллерийского офицера. В городе поползли слухи о скорой войне с Японией. Начались пожары. Сгорела оперетта. Исчезли японские прачки...

Все тревожнее становятся письма отцу: „Все суда спустили нижние реи. Сегодня перекрасились в боевой цвет, истратив на это 840 пудов черной краски”. В годы Великой Отечественной войны, занимаясь вопросами маскировки кораблей, он с этим случаем свяжет неудачные примеры маскировки кораблей на Балтике. Тогда во Владивостоке сразу же после покраски выпал снег и полностью демаскировал крейсера.

Напряжение нарастало. Вот-вот грянет война...

Глава 2

На Владивостокском отряде крейсеров. Уроки русско-японской войны. Служба в Генморе

Утром 26 января 1904 г. во Владивостоке было получено известие о начале войны с Японией. На крейсерах дружно загремели колокола громкого боя – на флагмане дали три холостых выстрела.

На Владивостокском отряде крейсеров еще не знали, что в ночь с 25 на 26 января внезапной минной атакой японцы надолго вывели из строя русские броненосцы „Ретвизан“, „Цесаревич“ и крейсер „Паллада“, а на выходе из корейского порта Чемульпо героически погибли крейсер „Варяг“ и канонерская лодка „Кореец“.

Весть о войне мгновенно разнеслась по городу – женатых офицеров ненадолго отпустили с крейсеров попрощаться с семьями. На Адмиралтейской пристани начали собираться встревоженные горожане, некоторые махали платками и шапками, раздавались крики „ура“.

Закончив приготовление штурманской боевой части к походу, В. Е. Егорьев наблюдал за ледоколами, усиленно взламывающими лед в бухте Золотой Рог. Только к полудню им удалось справиться с тяжелыми льдами. Наконец с флагмана дали сигнал: „Сняться с якоря, следовать за мной“. На крейсерах отряда все пришло в движение, загромыхали тяжелые якорь-цепи, тринадцать труб выбросили в воздух огромные шапки черного дыма. На ванты уходящих кораблей были посланы матросы, которые, размахивая бескозырками, отвечали на приветствия с берега. Не забыла произвести установленный сигнал крепостная пушка...

Более двух часов корабли пробивались сквозь льды. На чистой воде они перестроились в кильватерную колонну в порядке тактических номеров: первой шла флагманская „Россия“, а за ней „Громобой“, „Рюрик“ и „Богатырь“. Обогнув остров Аскольд, отряд направился на восток, где должна была находиться одна из угольных баз Японии.

К вечеру погода стала портиться, низкие серые облака и белеющие вершушки волн не предвещали ничего хорошего. Вскоре Всеволод доложил командиру, что наблюдаются все признаки приближения тайфуна. Давление начало резко падать, а ветер заходить к югу.

Возвращаясь к событиям этих дней, Всеволод Евгеньевич говорил: „За 50 лет своих плаваний в море мне ни разу не приходилось переносить столь жестокий шторм. Море прямо кипело, от брызг стоял сплошной туман, вершины громадных валов вкатывались на полубак, соленые брызги кололи лицо, как иголки. На мостике трудно было удержаться от ветра на ногах и приходилось помогать руками, перетягиваясь от предмета к предмету”.¹

Только к концу третьих суток крейсерства шторм начал стихать, к тому же из-за замерзания проникшей в каналы орудий воды корабли были фактически небоеспособными. Потопленный небольшой каботажный пароход „Наканоура Мару” был слабым утешением для экипажей четырех русских крейсеров.

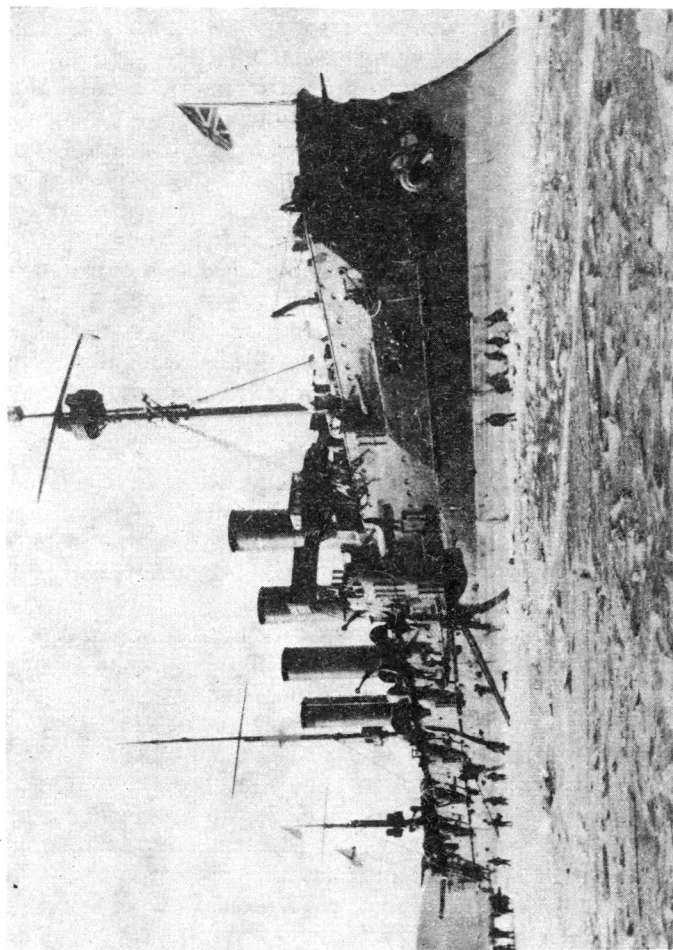
Много лет спустя профессор В. Е. Егорьев так оценит первый боевой поход Владивостокского отряда крейсеров: „Таким образом, первая операция Владивостокского отряда оказалась практически бесполезной. Она не привела ни в какой мере к изменению в дислокации японских морских сил.

Ничтожный укол, нанесенный японскому каботажному судоходству северо-западной части Японии, никак не отразился на морских перевозках войск, происходивших в то время между островом Кюсю и корейским побережьем Желтого моря, т. е. за пределами Японского моря”.²

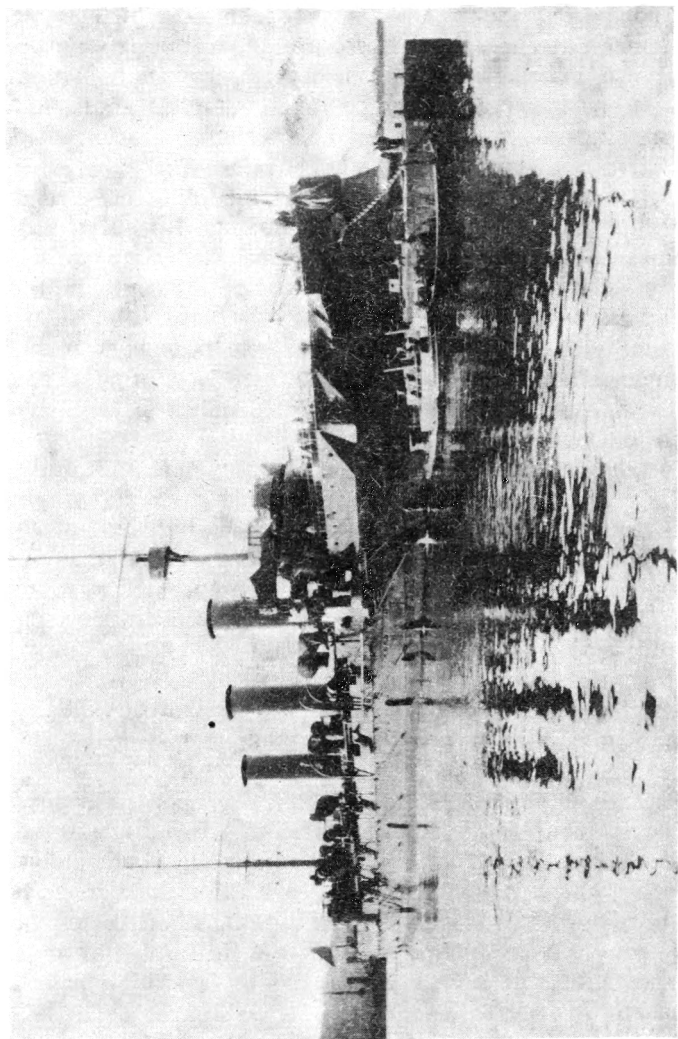
Возвратившись из первого похода, крейсера десять дней простояли во Владивостоке. За это время исправлялись причиненные штормом повреждения, производились погрузка угля и пополнение боезапаса. В письме отцу Всеволод писал: „Все мы верим, что наконец получим боевое крещение, как обидно так бездействовать. В кают-компании

¹ Архив Петербургского Дома ученых РАН, фонд военно-исторической секции.

² Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М.; Л., 1939. С. 69—70.

Крейсер „Громобой”. Владивосток, 1904 г.

Крейсер „Богатырь”. Владивосток, 1904 г.

ругаем тех, кто должен был послать нас не бороздить по ухабам, а в дело”.³

Во второе крейсерство корабли вышли 11 февраля. Оно было более успешным. Японцы в ответ даже направили к Владивостоку свою эскадру под командованием адмирала Камимурэ, которая произвела обстрел города и порта. Однако из-за сложной ледовой обстановки и опасности подрыва на русских минах японцы вели огонь с больших расстояний, не причинив почти никакого вреда.

Под свист японских снарядов отряд крейсеров начал экстренное приготовление к бою и походу. Но по разным причинам выход затянулся. Только через час после окончания обстрела города „Россия”, „Громобой”, „Рюрик” и „Богатырь” вышли в Уссурийский залив. С чувством большого сожаления Всеволод увидел на горизонте уходящую эскадру неприятеля. Но ни о какой погоне не было и речи, так как эскадренная скорость японских кораблей была значительно большей.

Тяжелая обстановка на театре военных действий вынудила царское правительство назначить на пост командующего Тихоокеанским флотом выдающегося русского адмирала Степана Осиповича Макарова. Он был самой подходящей кандидатурой на пост командующего флотом в военное время. Он являлся крупнейшим военно-морским теоретиком того времени, имел богатейший практический опыт, великолепно знал материальную часть флота и был хорошим знатоком Дальнего Востока. Кроме того, адмирал Макаров пользовался широкой популярностью среди матросов.

Вступив в командование флотом, Макаров развернул энергичную деятельность по подготовке флота к активным боевым действиям. На посту командующего в дни войны Макарову, как и в мирное время, пришлось преодолевать противодействие бездарных руководителей, стоявших во главе вооруженных сил царской России. Несмотря на это он за короткий срок своей деятельности достиг больших результатов.

Прибытие Макарова в Порт-Артур ощутили и на Владивостокском отряде крейсеров. По его приказанию командир

³ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 93, л. 77.

отряда капитан 1 ранга Н. К. Рейценштейн был отозван в Порт-Артур, а на его место прибыл контр-адмирал К. П. Иессен. Макаров предоставил отряду значительно больше свободы, нежели прежние командующие. Произшли некоторые перестановки офицерского состава и на самом отряде. Егорьев был назначен младшим флаг-офицером к Иессену. Возможно, это было вызвано тем, что Иессен был однокашником Евгения Романовича Егорьева по Морскому училищу.

Однако деятельность Макарова была недолгой. В самом начале апреля во Владивосток пришла телеграмма, извещающая о гибели вице-адмирала С. О. Макарова. „Тяжелый был день вчера, – писал Всеволод отцу, – просто не верилось в известие об столь тяжелых новых для нас утратах. Прямо как обухом по голове ударило при вести о гибели «Петропавловска», адмирала Макарова со всем штабом, со всею душою нашей эскадры, об повреждении «Победы» и гибели «Бесстрашного» – и все в один день, без боя почти, а так, за здорово живешь, у своих же берегов, своего родного Артура».⁴

В середине апреля отряд в составе крейсеров „Россия”, „Громобой” и „Богатырь” вышел в свой третий боевой поход. Впервые вместе с тремя крейсерами в море вышли два миноносца Сибирской военной флотилии. Всеволод Евгеньевич успел заметить, что на этот раз на берегу уже не было провожающих, как не было и салюта. Используя характерные для весеннего времени в этих районах туманы и плохую видимость, отряд под флагом контр-адмирала Иессена удачно проскочил мимо шедшей встречным курсом японской эскадры, а затем большую часть времени провел в тылу у Камимуры. Анализируя этот боевой поход, В. Е. Егорьев запишет: „Туман явился нашим союзником”. Он тогда даже не мог предположить, что эта проблема – влияние географического фактора на боевую деятельность на море – в будущем займет видное место в его научных интересах.

Не ускользнуло от пытливого и расторопного младшего флаг-офицера и то, что в сложившейся обстановке совершенно правильно поступил флагман, запретив использование

⁴ Там же, л. 93.

радиосвязи. Японцы же своими радиопереговорами демаскировали действия. Все эти тонкости военно-морского искусства со всей полнотой будут использованы Егорьевым в научно-педагогической деятельности.

Подводя итоги этого похода, В. Е. Егорьев отметит: „Апрельское крейсерство в залив Браутона было первым успешным делом Владивостокского отряда. Оно показало, что даже в неблагоприятной обстановке 1904 г. инициативные действия крейсеров могут привести к положительным результатам.

Существенно важным явилось то, что русские крейсеры эффективно использовали туман. Тот же самый туман, который заставил японские крейсеры на время отказаться от операции (возвратиться в Гензан), оказался «союзником» русских, успешно продолжавших движение для выполнения поставленной задачи.

В конечном счете операция русских привела к разделению сил противника. С этого момента и до конца активной деятельности русских крейсеров броненосные крейсеры Камимуры перенесли свое базирование в Корейский пролив, в бухту Озаки на острове Цусима. Тем самым японский флот под Порт-Артуром был ослаблен. В последующее время крейсеры адмирала Камимуры уходили с тех пор на запад только в наиболее напряженные моменты”.⁵

Для того чтобы лично ознакомиться с условиями морской обороны Посъетского района и согласовать с местным армейским начальником вопрос о минных заграждениях, К. П. Иессен в начале мая утром вышел на крейсере „Богатырь” в Амурский залив для дальнейшего перехода в Посъет. Для производства наблюдений и описания района адмирал взял с собой и В. Е. Егорьева.

С утра стоял густой туман. Командир крейсера полагал, что плавание в таких условиях невозможно. Тогда Иессен взял на себя управление кораблем. Вскоре видимость улучшилась, стали просматриваться отдельные острова и командир дал согласие на дальнейшее управление кораблем. Время подходило к обеду. По традиции царского флота в воскресные дни командир корабля обедал в общей офицерской кают-компании. Решив использовать этот случай

⁵ Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров... С. 104—105.

для восстановления добрых отношений с флагманом, он спустился в кают-компанию. Туман тем временем опять сгустился. На мостике оставались вахтенный начальник и штурман. Имея приказание флагмана изменить курс влево, не доходя трех миль до острова Антипенко, старший штурман спустился вниз, чтобы спросить разрешение на поворот, и, получив его, побежал обратно. Но дать команду рулевому он не успел, перед носом корабля в тумане выросли высокие обрывы скалистого берега. Ударившись тараном о камни, „Богатырь” выскочил на прибрежные скалы мыса Брюса.

Попытки сойти с камней без чьей-либо помощи, дав задний ход, ни к чему не привели. К вечеру разыгрался шторм. Положение становилось критическим. На единственной шлюпке начали своз личного состава на берег. Всеволод Евгеньевич, часто рискуя жизнью, всю ночь занимался спасательными работами. И только утром, когда вся команда покинула крейсер, измученный и промокший Егорьев вместе с Иессеном, командиром корабля, старшим офицером и трюмным механиком сошли на берег.

С болью в сердце писал он отцу об этой аварии: „Крейсер буквально рвало о камни, размахи достигали 22 градусов, прожектор, установленный ночью на «Богатыре», упирался лучами то в море, то в небо”.⁶

Язвительное „самотопы”, вошедшее в обиход среди горожан после случая с „Богатырем”, Всеволод воспринимал как личное оскорбление и старался не появляться на улицах Владивостока. „У нас теперь масса адмиралов: Скрыдлов, Безобразов и наш Иессен; приехала с ними масса флаг-офицеров и вообще штаба – просто наказание, все расфранченные, ломаные какие-то. Нам, «серым» тихоокеанцам, это не в привычку. Скрыдлов живет на берегу, в доме губернатора, держит свой флаг на «Лене», Безобразов на «России», Иессен на «Богатыре»”,⁷ – писал в Петербург Всеволод.

„Флот давно забыл и всячески старался обойти девиз Макарова «Помни войну!»”, – отвечал Евгений Романович, стараясь хоть чем-то поддержать сына.

⁶ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 93, л. 92.

⁷ Там же, л. 94.

Следующий боевой поход Владивостокский отряд крейсеров совершил в июне, в Корейский пролив, но уже под флагом контр-адмирала Безобразова. Во Владивостоке этот поход восприняли как большой успех. Однако со стороны начальника военно-морского отдела штаба командующего флотом Тихого океана Н. Л. Кладо его оперативная часть подверглась резкой критике. Это задело самолюбие командиров и корабельных офицеров. Для Всеволода тогда многое было непонятным: с одной стороны, давил авторитет профессора Морской академии Кладо, с другой – он не находил ошибок в действиях командиров. Даже награду – орден св. Анны 4-й степени с надписью „за храбрость” – он со свойственной ему скромностью воспринял как не совсем заслуженную.

Более чем через четверть века, уже адмиралом Советского ВМФ В. Е. Егорьев разберется, в чем же заключались ошибки, которых он тогда не видел.

Очередной выход крейсеров был запланирован в воды Тихого океана. Корабли принимали уголь. Всеволод окунулся в работу: с флагманским штурманом отряда он производил расчеты возможных маршрутов развертывания в океан, а также прорабатывал варианты возвращения крейсеров во Владивосток. Накануне выхода ему принесли телеграмму: „Получил назначение на «Аврору», страшно рад, надеюсь, скоро увидимся. Отец”.⁸ Такое известие очень обрадовало Всеволода и подняло настроение.

Несмотря на то что это был один из самых дальних и сложных походов – крейсера достигли широты острова Сикоку, закончился он успешно. Действия русских крейсеров вызвали в Японии такую панику, что японцы на время прекратили даже каботажные плавания судов, а негодующие жители Токио сожгли дом командующего эскадрой.

„За распорядительность и мужество, проявленные во время крейсерства к восточным берегам Японии”, мичман Егорьев был награжден орденом Станислава 3-й степени с мечами и бантом, а также получил продвижение по службе.

30 июля во Владивостоке был получен срочный приказ наместника: „Эскадра вышла в море (имеется в виду Порт-

⁸ Там же, д. 95, л. 334.

Артурская эскадра под командованием адмирала В. К. Витгефта. — В. Д.), сражается с неприятелем, вышлите крейсера в Корейский пролив”.

Эта телеграмма застала крейсерский отряд не подготовленным к выходу в море. На „Громобое” чинили рулевой привод, а на „Рюрике” были разобраны холодильники. Пришлось форсировать работы. И только на следующие сутки, в 5 часов утра отряд покинул базу. На крейсерах никто не мог предположить, что их выход уже бесполезен и никому не нужен, так как корабли Порт-Артурской эскадры после боевого столкновения с японцами возвратились в базу.

У Фузана крейсера повернули на запад, намереваясь подождать на этом курсе появления эскадры Витгефта. Начинало светать, и минут через десять после поворота на северных румбах появились силуэты четырех кораблей. После длившихся минуты предположений, что это корабли Порт-Артурской эскадры, наступило разочарование. В первую очередь Всеволод в свою подзорную трубу распознал характерный силуэт крейсера „Адзума”, а затем и остальные три крейсера Камимуры. Пути прорыва во Владивосток оказались отрезанными.

На отряде пробили боевую тревогу, корабли подняли стеньговые флаги и по сигналу флагмана повернули на обратный курс, постепенно увеличивая ход до полного. Сблизившись на дистанцию 60 кабельтовых, японцы открыли огонь. Через несколько минут ответили 203-мм орудия русских крейсеров. Вскоре начали стрелять и орудия меньших калибров.

Японские снаряды, обладавшие сильным фугасным действием, разрываясь на множество мелких осколков, поражали личный состав плохо бронированных русских крейсеров.

Ровно в 7 часов под полубак „России” почти одновременно попало несколько снарядов, вызвавших сильный пожар. Загорелись боеприпасы. Языки пламени вырывались из орудийных портов, иллюминаторов и сорванных взрывом дверей, выходивших из-под полубака на шкафут. Все находившееся на полубаке, с боевой рубкой и командным постом включительно, оказалось окруженным со всех сторон стенами огня и дыма. Густой едкий дым окутал боевую рубку. Стало трудно дышать. Минут через пять огонь

несколько ослаб и под полубак, опустошенный взрывами и пожаром, вбежало несколько человек. Героическими усилиями им удалось справиться с все еще бушевавшим огнем.

Непрерывный бой продолжался уже более двух с половиной часов. На „России” были разбиты три дымовые трубы. Кроме четырех неисправных котлов, осколками снарядов было выведено из строя еще три котла. Ход корабля значительно снизился.

Скупые строки вахтенного журнала „России” передают: „В очередной раз в обход по палубам крейсера отправился по приказанию адмирала мичман В. Е. Егорьев. Трудно сдержать себя при виде картин смерти и разрушений, нет возможности уйти от них в азарт и ярость боя – мичман должен видеть, как идет бой, как сражаются люди, как действует техника, чтобы адмирал и командир в рубке знали, что происходит на палубах и в отсеках корабля, каковы людские и материальные потери, как долго корабль может еще держаться. Снова и снова погружаясь в самое пекло боя, невозмутимо шагая навстречу взрывам и граду осколков, преодолевая дым и пламя пожаров, мичман и его товарищ по Морскому корпусу князь Щербатов мужественно выполняли свой долг. И каким-то чудом уцелели – ни царапины.”⁹

Но труднее всего было устаревшему „Рюрику”. Получив большие повреждения, объятый пламенем, крейсер лишился возможности управляться. Однако израненный корабль продолжал оказывать упорное сопротивление более сильному противнику. Вскоре вся его артиллерия была выведена из строя. Около половины экипажа было убито и ранено, погиб командир – капитан 1 ранга Е. А. Трусов. Крейсер сражался с врагом до последней возможности, а когда возникла угроза захвата его противником, вступивший в командование „Рюриком” лейтенант К. С. Иванов приказал затопить корабль. С гордо развивающимися на ветру стеньговыми флагами непобежденный корабль поглотила морская пучина.¹⁰

⁹ Там же, ф. 523, оп. 1, д. 75, л. 9.

¹⁰ Приказом Главнокомандующего ВМФ СССР в память о героической гибели „Рюрика” в бою с японской эскадрой 1 (14) августа 1904 г. координаты 35 град. 11 мин. северной широты и 130 град. 08 мин. восточной долготы объявлены памятным местом, при прохождении которого отдаются воинские почести.

Тем временем японские броненосные крейсера продолжали преследовать „Россию” и „Громобоя”, уходящих все дальше на север.

„Трудно небывалому в современном морском бою человеку, — писал в отчете об этом бое контр-адмирал К. П. Иессен, — представить себе непрерывный адский шум, производившийся на крейсере японскими снарядами в продолжение всего 5-часового боя. В особенности же он был силен в последний 2-часовой период: это был постоянный вой, рев, гул, стон, свист и шипенье от перелетов, недолетов, попаданий и осколков”.¹¹

По архивным документам трудно установить роль В. Е. Егорьева в этом бою, но ясно одно, что все, от матроса до адмирала, проявляли высочайшие образцы мужества и героизма. В письмах к отцу Всеволод подробно писал о подвигах экипажа „России”, перечислял имена многих матросов и офицеров. О себе же почти ничего не писал. „За бой 1 августа я произведен в лейтенанты. Рад, конечно, этому, только публика не дает прохода, все показывают пальцами — действительно ведь оригинально: «несовершеннолетний лейтенант». Все это, конечно, забавно, если бы не эти горестные, тяжелые дела.

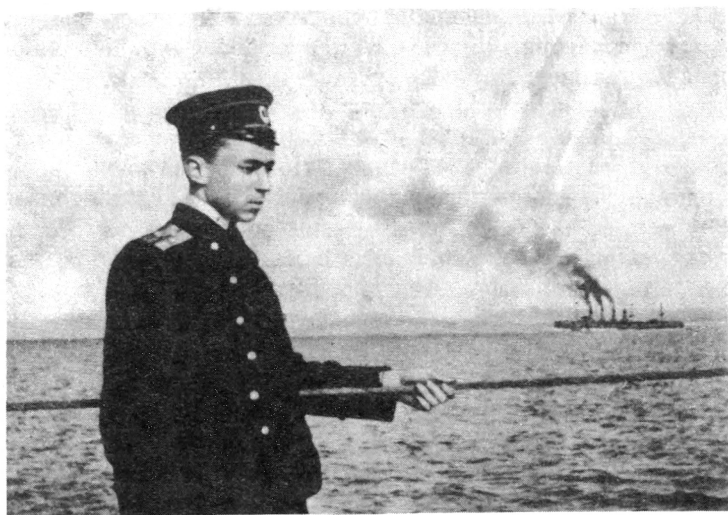
Мы стоим чинимся, стук кругом идет такой, что временами думаешь, что сходишь с ума.

Бой наш совершенно свели на нет (видимо, начальство и пресса). Телеграмму Иессена исковеркали до неузнаваемости, выставя все наши недостатки и пряча все ошибки и повреждения японцев. Как будто там, в Питере, сидит японская цензура, а не наша. Стыдно сказать, сухопутные офицеры, кажется, больше прочувствовали и поняли нас, чем свои — моряки”,¹² — писал в одном из последних писем Всеволод.

Этим боем по существу и закончилась деятельность Владивостокского отряда крейсеров. „Россия” и „Громобой” приступили к исправлению полученных повреждений, „Богатырь” же с большим трудом был стянут с камней и поставлен для ремонта в сухой док.

¹¹ Цит. по: Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров... С. 234.

¹² РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 93, л. 120.

В. Е. Егорьев на крейсере „Богатырь”.
Владивосток, 1905 г.

В послужном списке лейтенанта Всеволода Егорьева появилась запись: „Участвовал во всех боевых походах Владивостокского отряда крейсеров”.

Бой с японской эскадрой показал правоту идей покойного вице-адмирала С. О. Макарова. Иессен готовил корабли к бою по своему усмотрению, ибо боевого устава не было, а тактика бродила в потемках. На труд С. О. Макарова „Рассуждения по вопросам морской тактики”, не имеющий официального признания, смотрели как на досужее сочинение, и оно лежало мертвым грузом в книжном складе морского министерства. Все решения в бою принимались по воле флагмана. Всеволод же, являясь уже старшим флаг-офицером, хотя и находился рядом с флагманом, но никакого участия в управлении боем не мог принять, он только передавал приказания Иессена на „Рюрик” и „Громобой” и вел журнал боевых действий. Полноценного штаба, который мог бы оказать флагману действенную помощь в принятии решения на бой, не было.

Цусимское сражение — заключительный аккорд русско-японской войны, — несмотря на героизм русских моряков, закончилось бесславно. Русский флот понес жестокое

поражение. Погиб отец Всеволода, много друзей и просто знакомых нашли свой конец в Цусимском проливе, только из его выпуска по Морскому корпусу ушли из жизни двадцать человек.

Пытаясь разобраться в этой трагедии, В. Е. Егорьев сразу же после окончания войны, еще во Владивостоке, по собственной инициативе собрал с уцелевших кораблей приказы, инструкции и другие документы и издал их небольшим тиражом. Это была первая попытка исторического исследования русско-японской войны, к которой привели молодого лейтенанта и личное горе, и накопившаяся за войну горечь неудач и поражений...

Впоследствии В. Е. Егорьев был одним из инициаторов создания при Морском генеральном штабе исторической комиссии по исследованию опыта русско-японской войны и активно в ней сотрудничал. В одном из документов этой комиссии читаем: „О бое 1 августа (1904 г.) свидетельство показал флаг-офицер штаба начальника отдельного отряда крейсеров лейтенант Вс. Евген. Егорьев, 20-ти лет от роду”.

Сразу же после войны лейтенант А. Н. Щеглов представил морскому министру труд под названием „Стратегический обзор русско-японской войны”, в котором детально разобрал подготовку флота к войне и обосновал необходимость создания Морского генерального штаба. Вокруг этой работы развернулась острая дискуссия. Егорьев разделял мысли Щеглова, ибо он воочию убедился, что в русском флоте не было органа, занимающегося подготовкой морских сил к войне, обоснованием кораблестроительных программ, оборудованием театров военных действий, мобилизационными вопросами и др. Некоторые же хотели, чтобы все оставалось, как прежде.

Еще в Морском корпусе Всеволоду было известно, что идея создания Морского генерального штаба впервые была высказана отставным вице-адмиралом И. Ф. Лихачевым, учеником адмирала В. А. Корнилова, за 16 лет до начала русско-японской войны. Он писал: „Высшее или центральное управление морскими силами нуждается в административном органе, в котором централизовалось бы и было сосредоточено все, что относится к боевой исправности и готовности флота к войне и обороне своих берегов, органе, который дал бы высшему управлению возможность держать морскую силу и морские средства твердо <в руках>,”

в полной степени готовности для всех задач, которые от них могут потребоваться”.¹³ Позже В. Е. Егорьев по этому вопросу выскажет свои мысли, он добавит: „В компетенцию этого органа должно входить: а) полное знание о своей собственной силе, а также о своей слабости, б) заблаговременное изучение и составление стратегических планов ведения войны и военных действий, в) составление программ плаваний и маневров”.¹⁴

Но, несмотря на то что труд И. Ф. Лихачева редактировал выдающийся русский военный теоретик генерал от инфантерии Г. А. Леер¹⁵ и дал ему самую высокую оценку, консервативные царские адмиралы и чиновники из морского министерства так и не смогли понять актуальность поставленных вопросов. Понадобились Цусима, падение Порт-Артура... Кстати, не без участия В. Е. Егорьева морское министерство с опозданием почти на четверть века все же издало труд вице-адмирала И. Ф. Лихачева.¹⁶

В следующем году увидел свет новый труд А. Н. Щеглова „Значение и работа штаба на основании опыта русско-японской войны”, в котором давались конкретные рекомендации по созданию Морского генерального штаба. Доказательства молодого лейтенанта были настолько убедительными, что в апреле того же года указом царя было учреждено Управление Морского генерального штаба, которое в июне было переименовано в Морской генеральный штаб (Генмор).

Первым начальником Генмора был назначен капитан 1 ранга Л. А. Брусилов. Вокруг него группировалась наиболее передовая часть морских офицеров, главным образом участников русско-японской войны. Эти офицеры поднимали вопрос о необходимости специальной подготовки офицеров к службе в Генморе. В итоге было принято решение об

¹³ Лихачев И. Ф. Служба генерального штаба во флоте // Русское судоходство. 1888. № 24. С. 12–15.

¹⁴ Курс лекций для слушателей ВМА. Л., 1936. С. 12.

¹⁵ Г. А. Леер (1829–1904) — русский военный теоретик и историк, генерал от инфантерии (1896), член-корреспондент Петербургской Академии наук, начальник Академии Генерального штаба (1889–1898).

¹⁶ Вице-адмирал Иван Федорович Лихачев и его работа „Служба генерального штаба во флоте”. СПб., 1912.

открытии дополнительного курса военно-морского отдела академии, который приравнялся к Академии Генерального штаба.

В начале 1906 г. была упразднена должность генерал-адмирала. Вместо него во главе флота и морского ведомства снова стал морской министр. Морским министром был вице-адмирал А. А. Бирилев.

Под натиском свежей мысли был проведен в жизнь закон об отмене несменяемости членов Адмиралтейств-совета и Главного военно-морского суда. Эти два учреждения были поистине „старческими домами” и тормозили всякое проявление новых идей во флоте. Было уволено в отставку сразу 18 адмиралов, мирно доживавших свой век в этих двух учреждениях, понижен предельный возраст для адмиралов и штаб-офицеров, обновлен состав начальников управлений. Так, кораблестроительное управление возглавил А. Н. Крылов, стратегическую часть военно-учебного отдела – ученик С. О. Макарова Н. О. Эссен.

Под влиянием Н. О. Эссена был создан Петербургский морской кружок, объединивший морское офицерство, мысль которого не была „засушена” господствующей в морском ведомстве рутинной.¹⁷ Вскоре кружок был официально утвержден морским министром и одним из самых активных его членов стал В. Е. Егорьев. Он старался не пропустить ни одного заседания и всегда высказывал свою точку зрения на тот или иной вопрос. В его записях можно найти такую фразу: „За несколько дней пришлось основательно прошлудировать <черную книгу> (так по цвету переплета флотские офицеры называли труд А. Н. Щеглова. – В. Д.)”.

В 1914 г. была издана книга председателя исторической комиссии контр-адмирала А. Ф. Гейдена „Итоги русско-японской войны 1904–1905 гг.” с грифом: „Не подлежит оглашению”. В ней была изложена официальная точка зрения высшего морского командования на итоги и уроки русско-японской войны. На книге имеется надпись: „Многоуважаемому Всеволоду Евгеньевичу Егорьеву на добрую память от графа А. Гейдена”. Перелистывая пожелтевшие страницы, нельзя не обратить внимания на цветные пометки. Судя по четкому почерку, сданы они В. Е. Егорьевым.

¹⁷ РГАВМФ, ф. 2224, оп. 1, д. 3, л. 161–162.

Красным цветом он отмечал вопросы, заслуживающие особого внимания и дальнейшей проработки, зеленым – ошибки автора, простым же карандашом он вносил свои поправки, замечания, делал дополнения и т.д.

К русско-японской войне Всеволод Евгеньевич был равнодушен до последних лет жизни. Цусимская трагедия продолжала волновать душу... К ней Егорьев возвращался вновь и вновь. Спустя десять лет после войны он издает дневники отца „Вокруг Старого Света в 1904–1905 гг.‟, которые тот вел во время перехода на крейсере „Аврора‟ в составе 2-й Тихоокеанской эскадры, изучает записи вахтенного журнала крейсера, по крупницам восстанавливает драматические события, разыгравшиеся в Цусимском проливе.

Скупые записи архивных документов поведали о том, как был убит командир „Авроры‟ Е. Р. Егорьев, как хоронили вдали от Родины павших геройской смертью авроровцев, как в Южно-Китайском море под звуки салюта из семи пушечных выстрелов морская пучина приняла гроб с телом отца...

После возвращения в Петербург авроровцы подарили Всеволоду Евгеньевичу для портрета отца удивительную раму, сделанную из досок обгоревшей палубы „Авроры‟ и пробитой вражеским снарядом корабельной брони. Осколок такого снаряда остановил сердце их доблестного командира, находившегося в боевой рубке.

Вставленный в эту раму портрет Евгения Романовича всегда висел над рабочим столом Всеволода Евгеньевича. В 1959 г. он подарил эту уникальную семейную реликвию на вечное хранение в музей „Авроры‟. В экспозиции музея рядом с этим портретом нашла место и подзорная труба Егорьевых, а в архиве музея – книга „Вокруг Старого Света в 1904–1905 гг.‟ с надписью на первой странице: „В музей легендарного крейсера «Аврора» от сына автора этой книги – контр-адмирала Всеволода Егорьева‟.

Накануне Великой Отечественной войны увидела свет монография В. Е. Егорьева о действиях Владивостокского отряда крейсеров в русско-японскую войну.¹⁸ В труде

¹⁸ Егорьев В. Е. Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг. М.; Л., 1939. 275 с.

Передача портрета погибшего в Цусимском сражении
Е. Р. Егорьева музею крейсера „Аврора”. Ленинград, 1959 г.

изложены причины возникновения и характер войны, дана исчерпывающая характеристика сил сторон, с большой степенью детализации и правдиво описаны все походы крейсеров, а в заключении сделаны серьезные выводы, имевшие в то время огромное значение для советской военной науки. До настоящего времени эта пока единственный труд в советской военно-морской историографии на подобную тему. Именно эту книгу В. Е. Егорьева, по всей видимости, широко использовал популярный писатель Валентин Пикуль, когда писал роман „Крейсера”.

Возвращался Всеволод Евгеньевич с Дальнего Востока на Балтику на том же „Богатыре” и тем же путем. Курс крейсера пролегал через многие порты Юго-Восточной Азии, Африки и Средиземноморья. Весной 1906 г. „Богатырь” прибыл в Кронштадт.

С приходом на Балтику „Богатырь” был включен в толь-ко что сформированный особый отряд, предназначенный для постоянных плаваний и обучения личного состава флота. В отряд вошли также броненосцы „Слава” и „Цесаревич”. Если раньше корабли большую часть времени оттаивались на якорях и лишь изредка совершали переходы из одной якорной стоянки до другой, то теперь плавание стали

обычным явлением. На „Богатыре” Егорьев посетил десятки портов Европы и Африки. Однажды во время захода в Копенгаген русские корабли принимал сам король Дании. В этом походе плавал и гардемарин А. И. Берг – будущий адмирал, Герой Социалистического Труда, академик.

Во время редких стоянок в базе Всеволод Евгеньевич находил время для поездок в Петербург, встреч с друзьями, а то и просто для того, чтобы побродить по городу, Невскому проспекту. В один из таких приездов он и познакомился у своих единственных родственников Гаккелей со своей будущей женой – учительницей Александро-Невского училища для детей рабочих Августой Ивановной Трусовой, незадолго до этого окончившей высшие педагогические курсы. Через четыре года состоялась их свадьба. Венчались они в соборе Главного Адмиралтейства (сейчас там находится клуб ВМИУ им. Ф. Э. Дзержинского). Августа Ивановна, разумная, спокойная, очень сдержанная, глубоко полюбившая Всеволода Евгеньевича, была всю жизнь его верным другом и поддержкой в самые трудные годы.

В одном из походов „Богатырь” посетил самый северный порт европейской части России – Александровск (ныне Полярный). Город был основан в 1899 г. В лоции, составленной Рейнеке, Всеволод Евгеньевич нашел, что первые здания здесь были построены еще в 1700 г., экипажами зазимовавшей в Екатерининской гавани русской эскадры. На обратном пути крейсер заходил в норвежские порты Хаммерфест, Тромсе, Тронхейм и Берген. Затем корабль взял курс на Англию, где состоялись заходы в Гринोक, Глазго, Портсмут.

После непродолжительной стоянки во французской военно-морской базе Брест крейсер направился к живописнейшему острову Атлантического океана Мадейре. До этого Всеволод Евгеньевич был знаком с этим островом лишь по его описанию Иваном Александровичем Гончаровым в его любимой книге детства „Фрегат «Паллада»”.

„Нас ослепила великолепная и громадная картина, которая как будто поднималась из моря, заслоняя собой и небо, и океан, одна из тех картин, которые видишь в панораме, на полотне, и не веришь, приписывая обольщению кисти... не знаешь, на что смотреть, чем любоваться”,¹⁹ – писал Гончаров.

¹⁹ Гончаров И. А. Фрегат „Паллада”. СПб., 1879. С. 109.

Совершенно неожиданно для Всеволода прямо по курсу „Богатыря” вырос сказочной красоты остров. Через несколько минут уже без подзорной трубы в густых зеленых зарослях видны были разбросанные снежно-белые домики уютного городка, а в утренних солнечных лучах на самой вершине горы стоял такой же белый, как морская пена, старый монастырь. Не успели стать на якорь, как корабль облепили десятки лодок, заваленных зеленью. Через какие-то минуты вся эта зелень перекочевала на палубу крейсера. На палубе появились корзины с огромными апельсинами, бананами, сочными мандаринами, экзотическими манго и гуавами. Бак крейсера на какое-то время превратился в место бойкой торговли и обмена.

В дальнейшем путь „Богатыря” проходил через Средиземное море. Много ярких и запоминающихся впечатлений оставил заход в Тунис, основанный почти одновременно с Карфагеном, развалины которого находились в нескольких километрах к югу. Поразило обилие мечетей, больших и малых, дворец бея, построенный в мавританском стиле. Здесь В. Е. Егорьева, как участника русско-японской войны, наградили орденом Славы (Нишан-эль-Ифтиккар), учрежденным беєм Мустафой еще в 1834 г. В грамоте, написанной на арабском языке, указывалось: „Почетному Всеволоду Егорьеву, лейтенанту Российского императорского флота, по представлению нашего министра иностранных дел, награждаю Вас орденом с вышитым на нем вашим именем, являющимся наградой славы, и вручаю этот орден с удовольствием и милостью, а также этой грамотой, имеющей силу в королевстве. 20 апреля 1907 года”.²⁰

Егорьев, познавший на личном опыте несовершенство артиллерийского вооружения русских кораблей, считал необходимым принять личное участие в его усовершенствовании. В начале 1907 г. он подал рапорт о зачислении его кандидатом на обучение в Артиллерийском офицерском классе. Просьба была удовлетворена. Блестяще выдержав вступительные экзамены, Всеволод Евгеньевич приступил к изучению артиллерийского дела. Учебе отдавал все силы и время. Даже в выходные дни он не сидел без дела, а изучал хранилища артиллерийского исторического музея,

²⁰ Подлинник грамоты хранится в Архиве Русского географического общества.

просматривал номера „Артиллерийского журнала” или же штудировал труд Н. А. Кочкина „Материалы к истории Артиллерийского офицерского класса и класса гальванеров”, изданный в Кронштадте в 1903 г. Его тетрадь быстро наполнялась все новыми и новыми сведениями по истории отечественной и иностранной артиллерии.

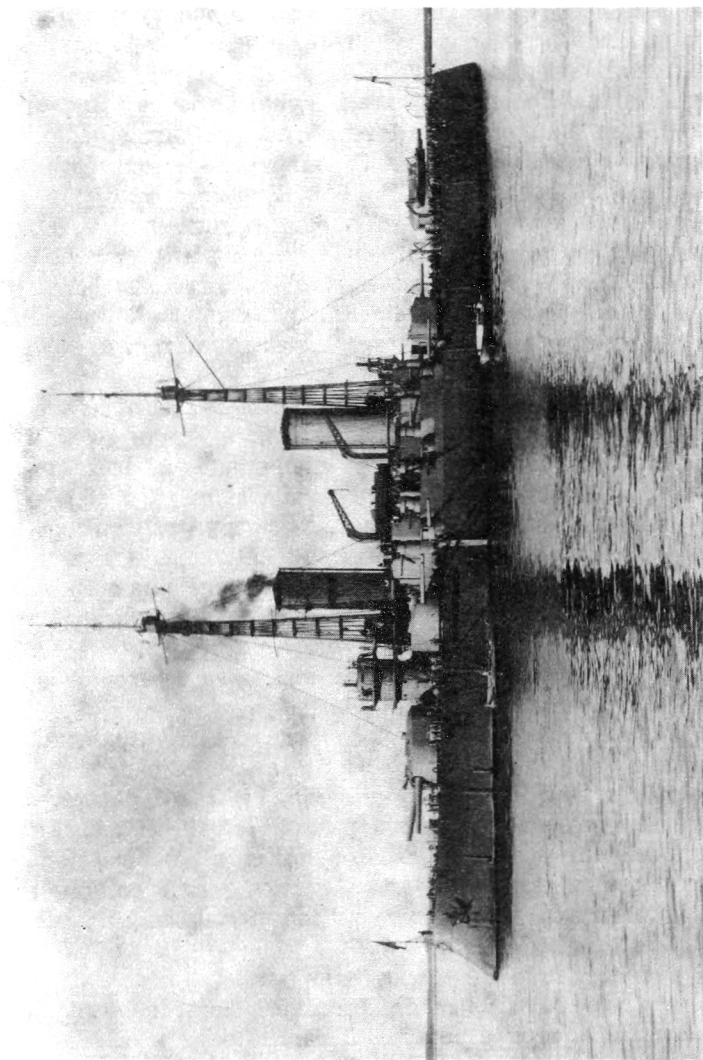
Весной 1908 г. Всеволод Евгеньевич проходил артиллерийскую практику на учебном судне „Петр Великий”. В свое время это был самый мощный в мире броненосец, построенный по проекту адмирала А. А. Попова на верфи Галерного острова в Петербурге (ныне предприятие „Адмиралтейские верфи”). В 1906 г. после капитального ремонта он был переоборудован в учебно-артиллерийский корабль. За несколько месяцев плаваний на столь знаменитом корабле Всеволод Евгеньевич получил отличную практику в управлении артиллерийским огнем и в октябре того же года был зачислен в артиллерийские офицеры 2-го разряда. Это давало право занимать должность младшего артиллерийского офицера на корабле первого ранга.

Полученное от капитана 1 ранга П. В. Римского-Корсакова предложение занять эту должность на вверенном ему корабле В. Е. Егорьев принял с радостью. Сбылась его давняя мечта, он стал артиллерийским офицером на новейшем линкоре „Император Павел I”, построенном на Балтийском заводе. Его водоизмещение составляло более 17 тысяч тонн, корабль имел сильное бронирование, а вооружение состояло из четырех 305-мм, четырнадцати 203-мм, двенадцати 120-мм и четырех 47-мм орудий.

Очень быстро памятная книжка Егорьева стала заполняться сведениями об устройстве и вооружении корабля. Он был одним из немногих офицеров, занимавшихся обучением грамоте и морскому делу нижних чинов. Нашел он общий язык и с артиллерийскими кондукторами.

В октябре состоялось первое плавание „Императора Павла I” в Ревель. Всеволод Евгеньевич сообщал жене: „Не удержался, пощелкал своим вероскопом.²¹ На полном ходу «Павел» должен быть очень красив, несет под носом огромный бурун, весь нос заливает так, что там по палубе сухим ходить невозможно”.

²¹ Фотографический аппарат, дающий стереоскопическое изображение.

Линейный корабль „Император Павел I”.
Балтийское море, 1911 г.

Осенью 1908 г. в Петербурге началось строительство храма — памятника морякам, погибшим в русско-японскую войну. Был создан особый комитет. В него вошла вдова адмирала С. О. Макарова, протопресвитер военного и морского духовенства, городской голова, члены Государственного совета, высшие придворные, а также гражданские и военные чины. Всего 48 человек. Место было выбрано на берегу Невы, около верфей Нового Адмиралтейства, напротив здания Морского корпуса. Строился храм на пожертвования народа. Внес свой вклад и В. Е. Егорьев.

Почти через три года состоялось открытие храма, названного „Спас на водах”. В день открытия в Неву вошли крейсера „Олег”, „Адмирал Макаров” и „Богатырь”, эскадренные миноносцы „Генерал Кондратенко”, „Пограничник”, „Сибирский стрелок” и „Охотник”, а также яхты „Нева” и „Стрела”.

В верхнем храме на бронзовых настенных досках, располагавшихся под копиями судовых икон, были выбиты имена погибших моряков... Сдерживая волнение, Всеволод Евгеньевич переступил порог церкви, справа от главного иконостаса золотом сияла надпись: „Капитан 1 ранга Егорьев 1-й, командир крейсера «Аврора»”. Нахлынула волна воспоминаний, перед глазами проплыли последние встречи с отцом, бой с японской эскадрой, гибель „Рюрика”... Не заметил Егорьев, как прошел мимо него Николай II в сопровождении морского министра адмирала Григоровича и генерал-адъютанта адмирала Авелана.

В 1911 г. В. Е. Егорьев был произведен в артиллерийские офицеры 1-го разряда. В русском флоте это было большой редкостью, так как столь высокий разряд можно было получить только после окончания полного курса Михайловской артиллерийской академии. Видимо, высокий уровень подготовки, как теоретической, так и практической, позволил в порядке исключения присвоить Егорьеву высший разряд артиллерийского офицера.

В морском министерстве успели заметить мыслящего офицера. Егорьева назначают в комиссию по разработке правил артиллерийской стрельбы, а затем и по испытанию вновь построенных кораблей.

В начале XX в. русский флот продолжал руководствоваться Морским уставом 1853 г., последний раз пересмотренным и дополненным накануне русско-японской войны.

В этом уставе главное внимание обращалось на безопасность плавания, хозяйственную сторону дела и мирный распорядок службы на кораблях. Флоту же нужен был новый устав, который отвечал бы требованиям войны. Приказом по морскому ведомству № 30 от 4 ноября 1911 г. была создана специальная комиссия по разработке нового Морского устава.²² В этой комиссии работал и В. Е. Егорьев. Однако к началу первой мировой войны полностью завершить разработку этого важнейшего для флота документа не удалось.

В 1913 г. в России был издан официальный справочник „Российский императорский флот”. В состав авторского коллектива были включены наиболее авторитетные и знающие свое дело офицеры: вопросы судостроения рассматривал корабельный инженер А. Шершов, впоследствии крупный советский ученый; современное состояние морской артиллерии – В. Егорьев. С этой задачей он справился блестяще. В популярной форме он показал состояние и основы боевого применения морской артиллерии. Многие вопросы он удачно подкрепил опытом русско-японской войны. Он писал: „Только в гармоничном развитии всех родов оружия: артиллерии на больших кораблях, мин на миноносцах, подводных лодках (имеются в виду торпеды. – В. Д.) – и разведки на разведочных крейсерах и воздушном флоте военный флот получит необходимую ему силу”.²³ Этими словами Егорьев высказал передовую для того времени мысль о сбалансированном развитии флота.

Еще в 1909 г. В. Е. Егорьеву предложили перейти на службу в Морской генеральный штаб. Однако он отказался от столь лестного для молодого офицера предложения. Ровно через год его во второй раз приглашают в Генмор, но и на этот раз Егорьев по собственному желанию остается на „Императоре Павле I”.²⁴

В конце 1911 г. начальником Морского генерального штаба был назначен контр-адмирал А. А. Ливен, известный Егорьеву по книге „Дух и дисциплина нашего флота”, изданной в 1908 г. Контр-адмирал Ливен старался набрать в Генмор офицеров, окончивших дополнительный курс военно-морского отдела академии, но таких оказалось

²² РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 4, л. 24.

²³ Российский императорский флот 1913 г. СПб., 1913. С. 122.

²⁴ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 4, л. 14.

мало. Тогда он стал подбирать кандидатов среди перспективных флотских офицеров, отдавая предпочтение участникам русско-японской войны. Первым среди кандидатов оказался Егорьев, на этот раз давший согласие работать в Генморе.

Тепло провожала команда линкора Всеволода Евгеньевича к новому месту службы. От командира ему была выражена „искренняя признательность за ревностную и особо полезную трехлетнюю службу в должности”.²⁵

В автобиографии Егорьев писал: „...поступив в Морской генеральный штаб, я начал работать в отделении русской статистики по Балтийскому театру”.²⁶ А перед войной он уже возглавлял иностранный отдел и одновременно являлся офицером Генмора по внешним связям.

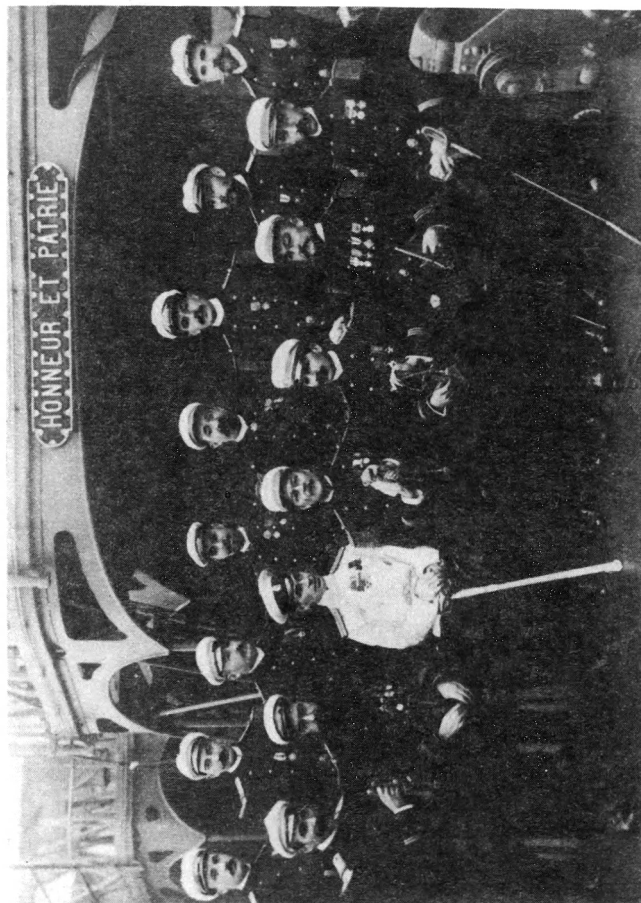
Это были годы плодотворной деятельности В. Е. Егорьева. Он занимался сбором, научной обработкой и анализом сведений об иностранных флотах и театрах военных действий, изучал состояние судостроительной промышленности, морского транспорта, портов, экономики, занимался физической и экономической географией. В короткие сроки Егорьев составил военно-географическое описание Балтийского театра. По его образцу были составлены описания Черноморского и Тихоокеанского театров. Эта работа и предопределила на многие годы основное направление научной деятельности Егорьева: театр и силы – вот сущность его будущей научной деятельности, которой он отдал почти полвека.

Служба в Генморе была связана с частыми поездками за границу. В составе морских делегаций, возглавляемых в 1912 г. вице-адмиралом А. А. Ливеном, а в 1914 г. вице-адмиралом А. И. Русиным, В. Е. Егорьев ездил во Францию для ознакомления с работой Морского генерального штаба. Во время этих поездок Егорьева дважды награждали французским орденом Почетного легиона кавалерийского и офицерского крестов.

В июле 1912 г. французская эскадра заходила в Кронштадт. Всеволод Евгеньевич был прикомандирован к командиру флагманского французского крейсера „Конде” как

²⁵ Там же, д. 1, л. 23.

²⁶ Там же, д. 49, л. 6.

В. Е. Егорьев среди офицеров французского крейсера „Конде”.
Кронштадт, 1912 г.

консультант и офицер-переводчик. Ему хорошо была знакома организация службы на кораблях французского флота, так как он неоднократно бывал на них и даже выходил в море на маневры. В первый день стоянки эскадры крейсер „Конде” посетил Николай II со свитой. Затем на корабле побывали офицеры русского флота и знать Петербурга и Кронштадта. На память офицеры французского крейсера сфотографировались с понравившимся им своей общительностью и эрудицией Егорьевым.

Работа в Генморе снова свела Всеволода Евгеньевича с В. М. Альтфатером, ставшим первым начальником Морских Сил Республики. Рядом работали также А. М. Немитц и Е. А. Беренс, занимавшие крупные командные должности в Советском ВМФ.

В дни Февральской революции В. Е. Егорьев был назначен помощником начальника Главного морского штаба с исполнением его обязанностей. А после переформирования штаба в Главное управление по делам личного состава флота Егорьев стал его начальником. Такое высокое назначение произошло в дни свержения царизма, последующего двоевластия и обострения классовой борьбы, когда большевистская партия подняла революционные массы на борьбу, а Временное правительство перешло к открытой контрреволюции, когда столкнулись решительные требования большевиков о прекращении войны, а правительство призывало вести ее до победного конца. В этих условиях надо было суметь соотнести настоящее с прошлым, увидеть и понять перспективу, найти общие взгляды и общий язык с революционными матросскими массами, с большевистским Центробалтом.

В этой непростой обстановке В. Е. Егорьев искал свой путь. Как патриот России, он где-то в глубине души понимал происходящее, но найти свое место в водовороте событий — было выше его сил и возможностей. Ведь раньше он присягал царю и отечеству. Он был свидетелем того, как в ряде случаев матросы расправлялись с ярыми защитниками царских порядков. Ему доложили, что по решению матросских митингов были расстреляны генерал-губернатор Кронштадта адмирал Р. Н. Вирен, некоторые из офицеров. Вначале Егорьев расценил этот факт как произвол, слепую стихийность. Но вскоре он понял, что это неизбежно, что это сопутствует слому старой государственной машины.

На выбор дальнейшего пути многих офицеров старого флота немалое влияние оказало и письмо капитана 1 ранга А. А. Ружека, в котором он призывал офицерский состав флота отбросить предрассудки и вместе с матросами укреплять новую морскую организацию. Среди тех, кто первым перешел на службу Советской власти, были В. М. Альтфатер, Е. А. Беренс, Л. М. Галлер, Б. Б. Жерве, М. А. Петров, А. А. Ружек, А. В. Немитц, В. Е. Егорьев и многие другие.

В период штурма Зимнего дворца В. Е. Егорьев находился в здании Главного Адмиралтейства, где размещалось морское министерство. Охрана здания от „всевозможных покушений” была возложена на организацию Центрофлот, члены которой открыто поддерживали контрреволюцию.

Захват здания Главного Адмиралтейства был поручен отряду, возглавляемому большевиком В. М. Зайцевым, ему же предписывалось произвести арест офицеров и чиновников морского министерства.²⁷

Однако никакого штурма Адмиралтейства не состоялось. Чтобы исключить напрасные жертвы и уберечь здание от разрушений, Егорьев призвал войска, находившиеся в Адмиралтействе, к сдаче. Авторитет его был настолько высок и непререкаем, что никто не осмелился возразить. Войска с белыми флагами через главные ворота покинули Адмиралтейство, комендант же был арестован.

Очевидец этих событий, бывший заведующий командой писарей и ординарцев Главного морского штаба и Генмора Д. Д. Коржавин в декабре 1955 г. из Семипалатинска писал Егорьеву: „Вышли с белыми флагами. Адмиралтейство от разрушений было спасено. Комендант арестован. В этом Ваша неоспоримая заслуга, дорогой профессор”.²⁸

Но события повернулись так, что 17 ноября 1917 г. народный комиссар по военным делам П. Е. Дыбенко подписал документ следующего содержания: „Предписываю комиссару Главного морского штаба Владимиру Евдокимову арестовать начальника указанного штаба капитана 1 ранга Егорьева за непризнание власти народных комиссаров и отказ исполнять свои обязанности по службе при настоящей Советской власти”.²⁹

²⁷ *Петраш В.* Моряки Балтийского флота в борьбе за победу Октября. М.; Л., 1966. 261 с.

²⁸ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 96, л. 97.

²⁹ Там же, д. 4, л. 32.

Егорьев был кадровым офицером и верность присяге понимал буквально. И в то же время как человек разумный он не мог не видеть, что приходит конец всему старому...

Любопытно, что на обратной стороне ордера на арест рукой Дыбенко написано: „Предложить Егорьеву сдать свои обязанности и взять подписку о том, что по требованию Морской коллегии должен явиться”. Сохранилась и расписка Всеволода Евгеньевича: „Обязуюсь явиться”. Через пять дней был подписан приказ по флоту и морскому ведомству об увольнении Егорьева от службы.³⁰

Неизвестно, как сложилась бы судьба В. Е. Егорьева, если бы офицерами старого флота не занимался лично П. Е. Дыбенко. Возглавляя Центробалт, он, по всей видимости, знал деловые качества офицеров морского министерства. Можно предположить, что он слышал и много хорошего о Егорьеве от своих товарищей по службе на линкоре „Император Павел I”, где надолго сохранилась добрая память команды о своем бывшем старшем артиллере.

В архивах не найдено документов о том, как проходила беседа между Дыбенко и Егорьевым, но ясно одно, что Всеволод Евгеньевич не был арестован и практически с первых дней Советской власти стал трудиться на ее блага. Сам он в автобиографии писал: „После Октябрьской революции, пробыв в отставке 8 дней, был назначен штатным преподавателем Морской академии”.³¹

³⁰ Морской сборник. 1918. № 1. С. 14.

³¹ ЦВМА, личное дело Егорьева.

Глава 3

В Военно-морской академии. Во главе Военно-морской редакции. Морской эксперт в Женеве. Великая Отечественная война

Итак, после Октябрьской революции Всеволод Евгеньевич Егорьев, получив предписание от П. Е. Дыбенко, убыл в распоряжение начальника Морской академии, заслуженного профессора, генерал-майора флота Н. Л. Кладо, выбранного на эту должность конференцией академии после Февральской революции. Это был весьма энергичный и работоспособный человек, крупный ученый в области стратегии и военно-морской истории. Егорьев был знаком с многими трудами Кладо, в том числе с „Введением в курс истории военно-морского искусства” (1910 г.), „О теории в военном деле” (1914 г.), и, как и все генштабисты, был почитателем его таланта.

Но учебный процесс в академии начнется только весной 1919 г., пока же за ней сохранялись функции научно-исследовательского учреждения.¹ Организация Красного Флота требовала больших усилий и времени, надо было создавать новые органы управления, обучения и подготовки кадров, фактически заново формировать соединения флотов и т. д. Дел было немало. Об этих днях академик А. Н. Крылов вспоминал: „Не надо думать, что Военно-морская академия два года после Октябрьской революции ничего не делала или саботировала начинания революционного правительства; напротив, можно сказать, что она не бастовала ни одного дня”.²

В соответствии с декретом о Красном Флоте создавались новые органы морского управления. 22 февраля 1918 г. морское ведомство было преобразовано в Народный комиссариат по морским делам, во главе которого был поставлен

¹ РГАВМФ, ф. 352, оп. 1, д. 7, л. 22.

² Академик А. Н. Крылов. Воспоминания и очерки. М., 1956. С. 312.

П. Е. Дыбенко. Через некоторое время Всеволод Евгеньевич узнал, что его однокашник по Морскому корпусу В. М. Альфатер назначен первым начальником Морских Сил Республики (наморси), а Е. А. Беренс, с которым он был хорошо знаком по совместной службе в Генморе, стал первым начальником Морского генерального штаба.³ В годы первой мировой войны В. Е. Егорьев получал от Е. А. Беренса важную информацию из Италии и уже тогда отметил аналитический склад ума этого офицера. После Февральской революции Всеволод Евгеньевич рекомендовал Беренса на должность начальника статистического отдела Генмора.

На разные командные должности были назначены А. А. Ружек, А. П. Зеленой, М. В. Иванов, Н. И. Игнатъев, А. В. Немитц и другие. Эти назначения офицеров старого флота, близких знакомых и друзей Всеволода Евгеньевича, вселяли уверенность и придавали новые силы.

В сентябре 1918 г. приказом народного комиссара по морским делам при академии под председательством Н. Л. Кладо была учреждена Военно-морская историческая комиссия по исследованию опыта войны на море в 1914–1918 гг. (Мориском). Морискому была поставлена задача: „Составить историю войны на море и произвести всестороннее научное исследование опыта войны для скорейшего снабжения флота результатом этого опыта”.⁴

В состав комиссии вошли крупные военно-морские специалисты: бывший морской министр адмирал И. К. Григорович, бывший флагманский инженер-механик Балтийского флота генерал-лейтенант В. А. Винтер, известные штабные работники капитаны 1 ранга М. А. Петров, И. И. Ренгартен, преподаватели академии генерал-майор флота А. В. Шталь, капитаны 1 ранга Б. Б. Жерве, Л. Г. Гончаров, В. Е. Егорьев, капитаны 2 ранга П. В. Гельмерсен, Н. В. Новиков и другие. Общее руководство работой Мориска было возложено на начальника Морского генерального штаба капитана 1 ранга Е. А. Беренса.

Егорьеву эта работа уже была знакома по исторической

³ Комиссаром Морского генерального штаба была назначена Лариса Рейснер, дочь профессора Морской академии, послужившая одним из прототипов комиссара в „Оптимистической трагедии” Вс. Вишневского.

⁴ РГАВМФ, ф. 352, оп. 1, д. 23, л. 10–11.

комиссии при Генморе, где он занимался описанием действующего флота в войну 1904–1905 гг. Поэтому его советы по сбору архивных материалов, приведению их в порядок, систематизации и составлению каталогов были ценными и полезными.

Бывший эмигрант протоиерей Борис Георгиевич Старк писал дочери Егорьева: „Вашего отца, Всеволода Евгеньевича, я хорошо знал. В 1920 г., 10-летним мальчишкой, я поступил на службу рассыльным в Морскую академию Петрограда на 11-й линии Васильевского острова, где уже работала в исторической комиссии моя мать и где работал научным сотрудником и Ваш отец... Он относился ко мне с добротой и вниманием, сочувствуя 10-летнему мальчишке, у которого отец далеко и который в свои малые годы должен трудиться, чтобы помочь матери прокормить сестру моложе меня”.

В декабре 1918 г. Реввоенсовет Республики приказал Морской академии рассмотреть вопрос о возобновлении учебных занятий. Это было событие не только для флота, но и для всей страны. В Петроград из Москвы прибыл член РВС и наморси В. М. Альтфатер. На конференции академии, проводившейся 23 декабря 1918 г., он сказал: „... обстановка требует, чтобы в непродолжительное время академия приступила к началу учебных занятий, чтобы дать флоту лиц с оперативной и достаточной математической подготовкой, которые могли бы разбираться в вопросах техники”.⁵ В этот же день было решено приступить к учебным занятиям 1 апреля 1919 г.⁶

Малочисленному коллективу академии в очень сжатые сроки предстояло составить учебные программы и написать фактически заново лекции по всем дисциплинам.⁷ Допозд-на приходилось засиживаться Всеволоду Евгеньевичу в академии, где часто разгорались жаркие дискуссии. Когда напряжение нарастало до предела и казалось вот-вот струна должна лопнуть, Всеволод Евгеньевич как-то незаметно для окружающих вставлял остроумную шутку и снимал это напряжение. В классных помещениях было холодно, туго

⁵ Там же, д. 1, л. 109.

⁶ Дату 1 апреля 1919 г. принято считать началом деятельности академии в советский период, и она отмечается как ее годовщина.

⁷ В штате академии в это время было всего около 30 человек.

было с питанием, даже писчую бумагу приходилось добывать с большим трудом, но в педагогическом коллективе царила атмосфера доброжелательности и творчества. Душой коллектива был Всеволод Евгеньевич, он был готов всегда прийти на помощь.

Егорьев вспоминал, как еще в Морском корпусе Ю. М. Шокальский, обучая их, кадетов, физической географии, говорил, что задача преподавателя – задача сложная, недостаточно только знать свой предмет, надо уметь излагать его ясно, просто, красиво. Этому принципу Всеволод Евгеньевич старался следовать всю свою жизнь.

К началу учебного года в академии были уже собраны лучшие научные силы. В „Очерках по истории Военно-морской орденов Ленина и Ушакова академии” говорится: „...лекции по кораблестроению, теории корабля и высшей математике читал академик А. Н. Крылов, по физической географии, гидрологии и гидрометеорологии – заслуженный профессор Ю. М. Шокальский, по стратегии и основам организации флота – начальник академии Б. Б. Жерве,⁸ по морским боевым операциям мировой войны и тактике флота – профессор Л. Г. Гончаров, по проектированию судов – профессор К. П. Боклевский, по строительной механике корабля – преподаватель Ю. А. Шиманский,⁹ по проектированию судовых устройств – преподаватель В. Л. Поздунин, по прикладной механике – профессор Д. С. Зернов, по основам социологии – профессор М. А. Рейснер, по проектированию паровых котлов – профессор В. П. Мадисов, по военно-морской статистике – преподаватель В. Е. Егорьев и др.”.¹⁰

Первыми слушателями академии были военные моряки, доказавшие преданность делу революции на фронтах гражданской войны. Это были и кадровые офицеры старого

⁸ После смерти Н. Л. Кладов с 12 июля 1919 г. начальником Морской академии был А. Н. Крылов, 17 марта 1920 г. его сменил Б. Б. Жерве.

⁹ В. Е. Егорьев в 50-х годах работал с Ю. А. Шиманским в ученом совете Дома ученых.

¹⁰ Очерки истории Военно-морской орденов Ленина и Ушакова академии. Л., 1970. С. 66. Ю. М. Шокальский – впоследствии почетный академик АН СССР, Ю. А. Шиманский и В. Л. Поздунин – академики АН СССР. В разное время в Военно-морской академии трудились более 30 академиков.

флота, и выпускники Морского училища, Отдельных гардемаринских классов, Курсов гардемарин флота, а большинство составляли моряки без всякого образования.

В дореволюционной Морской академии военно-морскую статистику не преподавали вообще. Слушателям читали лишь краткий курс морской экономической географии, который оказался неприемлемым для советской академии. „Военная статистика была твердо принята в армии, в сухопутных военных училищах и академиях, однако не имела распространения в морских учебных заведениях и на флоте. С поступлением в Военно-морскую академию с 1918 г. пришлось приступить к попытке восполнения этого пробела”, — писал Егорьев.

Но прежде чем приступить к разработке нового курса, Всеволод Евгеньевич основательно изучил методологические основы военно-сухопутной статистики, разработанные русским государственным и военным деятелем генерал-фельдмаршалом Д. А. Милютиним. В его книге „Первые опыты военной статистики”¹¹ Всеволод Евгеньевич нашел ответы на многие интересующие его вопросы. Пришлось также проштудировать книги по статистике на немецком, французском и английском языках, всю справочно-энциклопедическую и географическую литературу из библиотеки морского министерства. Неоценимую помощь оказал подаренный Ю. М. Шокальским „Систематический каталог библиотеки Морского министерства”, составленный им в 1916 г.

К началу учебного года В. Е. Егорьев подготовил к печати курс лекций „Военно-морское географическое и военно-морское статистическое изучение государств” общим объемом более 10 печатных листов. Это был фундаментальный научный труд, в котором впервые достаточно глубоко и полно была изложена история предмета, его методология, цели и задачи, а также практические рекомендации по статистической работе в штабах.

Один из крупнейших специалистов военно-сухопутной статистики, профессор дореволюционной Академии Генерального штаба В. А. Златолинский, ознакомившись с трудом В. Е. Егорьева, писал автору: „Эти дни я читал

¹¹ Милютин Д. А. Первые опыты военной статистики. СПб., 1847—1948. Кн. 1—2.

с большим удовольствием Ваш прекрасный курс по военно-морской статистике. Он, помимо всех его достоинств, особенно ценен в том отношении, что не упущено из вида указание приемов и способов отбора военно-статистических сведений, в чем можно упрекнуть почти все бывшие руководства. При всем моем старании придаться к чему-нибудь в Вашем курсе я все же не нашел для этого повода".¹² В рецензии, опубликованной в научно-теоретическом журнале „Военная наука и революция”, отмечалось: „Весьма ценный по содержанию и полезный не для одних только специалистов рассматриваемый труд снабжен всеми необходимыми цитатами и справками, изложен хорошим литературным языком, живо и даже увлекательно, а поэтому читается не только легко, но и с удовольствием".¹³

23 февраля 1922 г. Морская академия была переименована в Военно-морскую академию Рабоче-Крестьянского Красного Флота, а через несколько дней в зале Революции Училища командного состава (ныне ВВМУ им. М. В. Фрунзе) состоялось торжественное собрание по случаю принятия над академией шефства Петроградским Советом рабочих, крестьянских и солдатских депутатов. В начале торжественного собрания представитель Петроградского Совета А. Е. Бадаев вручил комиссару академии Красное знамя и зачитал адрес Петросовета, в котором, в частности, говорилось: „Военно-морское дело, морская наука являются исключительно трудными и сложными. Это осложняется и тем, что бо́льшая половина слушателей недостаточно образованна, но революция засвидетельствовала на примере Академии Генерального штаба, что все препятствия преодолимы, что мы можем воспитать и создать своих молодых военных ученых.

Порукой этому является и та горячая любовь к флоту и науке, которой преисполнены ваши руководители, преподаватели и педагоги. Эти благородные люди сумели стать выше своих узкосословных интересов. Они не оставили обновленной России. Они знания свои честно передают вам, и драгоценнейшие сокровища многовековых достижений человеческого ума они хотят сделать достоянием тысяч

¹² РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 2, л. 16.

¹³ Там же, л. 17.

и миллионов. С благодарностью, глубочайшим уважением да будут восприняты вами эти знания. Тогда и трудное дело окажется легким.

Морская академия есть единственная в Республике: из нее, и больше ниоткуда, должны выйти будущие академики Красного Флота.

На вас обращены взгляды всей России и даже всего мира. На вас возлагаются исключительные надежды. Поймите это, осознайте. Будьте достойны своего призвания”.¹⁴

В этот же день профессорско-преподавательский состав академии принял военную присягу на верность служения Родине. Царившая обстановка, а также теплые слова приветствия надолго сохранились в памяти Всеволода Евгеньевича. Еще бы, они как будто бы разорвали существующие до этого невидимые нити недоверия к офицерам старого русского флота, открыли второе дыхание... С еще большим подъемом Егорьев принялся за разработку новых тем.

Октябрьская революция застала В. Е. Егорьева в чине капитана 1 ранга. В советском же флоте он сразу был зачислен к высшему командному составу. Вначале ему была присвоена 11-я категория, что соответствовало должности командира бригады кораблей. А через некоторое время он сменил один средний и один широкий галун на два средних и широкий, т. е. ему была присвоена 12-я категория, что приравнивалось к должности командующего Морскими Силами. Следующую категорию – три средних и один широкий галун – давали начальнику Морских Сил РККА.

В начале 20-х годов В. Е. Егорьев по совместительству исполнял обязанности старшего редактора Военно-морской научной редакции и был членом Морского учебного комитета РККФ. С его участием рассматривались многие вопросы, связанные со строительством флота, подготовкой кадров, развитием теории военно-морского искусства. Егорьев взял на себя решение и труднейшего для страны вопроса – распространения военно-морских научных знаний и популяризацию флота среди широких слоев населения.

На страницах „Морского сборника” он опубликовал обращение, в котором призывал военных специалистов

¹⁴ Цит. по: Очерки истории Военно-морской орденов Ленина и Ушакова академии. С. 73–74.

принять активное участие в написании как научно-популярных брошюр, так и фундаментальных трудов. Егорьев сформулировал цели будущих публикаций, их направленность и предполагаемое содержание.¹⁵

По предложению Всеволода Евгеньевича в 1921 г. было проведено совместное заседание Военно-морской научной редакции, Морской академии и Морской исторической комиссии, на котором обсуждались актуальные вопросы военно-морской истории, связанные с изучением опыта первой мировой и гражданской войн. Первый доклад на самостоятельно избранную тему сделал инициатор этого заседания.

В это время на Западе военные специалисты активно обсуждали проблему защиты морских коммуникаций от подводных лодок в свете опыта минувшей мировой войны. Английский адмирал Джелико, возглавлявший борьбу с германскими подводными лодками, в книге „Кризис морской войны” также касался этого вопроса и говорил о перспективности подводных лодок в будущем, считая, что введение системы конвоев надежно защитит торговое судоходство от субмарин. Такого же мнения придерживались и другие буржуазные теоретики.

Егорьев же, анализируя труды Джелико, Корбета, Ньюболта и Грооса, пришел к противоположному выводу, который со всей очевидностью подтвердила практика второй мировой войны. „Напрасно Запад бьет погребальный звон над подводной лодкой — будущее за ней”, — так завершил свой доклад Егорьев.

Всеволод Евгеньевич также отметил, что развитие подводных лодок и авиации явилось причиной дискредитации империалистической доктрины „владения морем” и ее тактического оформления — „генерального сражения”, как решающего участь войны на море и даже исхода войны в целом.

Через несколько дней по докладу Егорьева проходили весьма оживленные прения. Большинство оппонентов поддерживали его идеи. В итоге дискуссии было принято решение разработать фундаментальный труд по опыту боевой деятельности подводных лодок в первую мировую войну и проблемам их боевого применения в будущем. За эту

¹⁵ Морской сборник. 1920. № 6—7.

работу взяли преподаватели академии И. С. Исаков, В. А. Белли и А. П. Александров. В 1933 г. увидел свет первый том труда под названием „Операции подводных лодок”. Заместитель народного комиссара по военным и морским делам и председатель РВС СССР М. Н. Тухачевский дал высокую оценку этому труду и рекомендовал его всему командному составу РККА.

Вторая часть труда, разработанная преподавателем академии А. Н. Лебедевым, к сожалению, издана не была. Она так и осталась в рукописном варианте на кафедре тактики военно-морских сил РККА, как конспект лекций для слушателей академии.

Однако в 1938 г. кому-то показалось, что в изданном труде высказывается „вредная для строительства флота идея”, т. е. чрезмерно восхваляются подводные лодки и авиация и принижается роль и значение крупных надводных кораблей, сторонником которых был И. В. Сталин. Возникло надуманное дело, в результате которого руководитель авторского коллектива А. П. Александров был осужден. Досталось и Егорьеву. Вспомнили, что он первым выдвинул эту идею. Из личной библиотеки ученого было предложено изъять книги некоторых зарубежных авторов как „вредные для формирования взглядов красных командиров”.

Здесь уместно сказать несколько слов о личной библиотеке Егорьева. В ней было полное собрание „Морского сборника”, редкие книги по истории русского флота, чуть ли не все издаваемые в России справочно-энциклопедические труды, большая коллекция карт и атласов, труды классиков марксизма-ленинизма. Всего около 10 тысяч томов. Многие из книг этой уникальной морской библиотеки теперь находятся в Военно-морской академии.

В приветствии Егорьеву от редакционно-издательского отдела Народного комиссариата по морским делам отмечалось: „В знак Вашей плодотворной деятельности по главной Военно-морской научной редакции, в которой Вы на протяжении четвертого года одновременно являетесь и главным редактором «Морского сборника», редакционно-издательский отдел морского комиссариата, высоко ценя Ваши заслуги и знания, приложенные в области воссоздания боевой мощи на морских подступах Союза Советских Социалистических Республик, через страницы «Морского

сборника», в день его славной 75-летней годовщины... просит принять скромный подарок – акварель¹⁶ с изображением кабинета, в котором при активном Вашем участии творится, отшлифовывается под Красным вымпелом Октября военно-морская научная мысль”.¹⁷

Книги, издаваемые Военно-морской редакцией в 20-х и 30-х годах, имели чрезвычайно важное значение для формирования оперативно-тактических взглядов командного состава флота. Наиболее значительными были труды М. А. Петрова „Обзор главнейших кампаний и сражений парового флота в связи с эволюцией военно-морского искусства” (1926 г.) и „Подготовка России к первой мировой войне” (1926 г.), Н. В. Новикова „Операции на Черном море и совместные действия армии и флота на побережье Лазистана” (1927 г.), П. В. Гельмерсена „Операции на западных театрах” (1927 г.), Н. А. Данилова „Смешанная операция в Рижском заливе” (1927 г.) и др. Из брошюр, предназначенных для широких масс, можно выделить работы В. А. Кукеля „Правда о гибели Черноморского флота в 1918 году” (1923 г.), М. А. Петрова „Два боя” (1926 г.), Б. Б. Жерве „Значение морской силы для государства” (1925 г.) и др. Для краснофлотцев в 20-е годы были изданы „Справочная книжка молодого военмора”, „Основные сведения по теории корабля”, „Краткий морской словарь”, „Морская практика” и др. В подготовке к изданию большинства трудов принимал участие и Егорьев. Он выступал в качестве или рецензента, или редактора, или же оказывал помощь полезными советами.

С 1925 г. редакционно-издательский отдел Военно-Морских Сил РККФ начал издавать справочники по иностранным флотам Е. Е. Шведе под общим названием „Военные флоты”. Эти справочники были рекомендованы штабом РККФ и Главным управлением РККА как основные документы для начальствующего состава флота по изучению сил и средств флотов империалистических государств. Каждый справочник предварялся научной статьей. В первом выпуске справочника Егорьев выступил со статьей „Морская политика главнейших морских держав”, в которой изложил

¹⁶ Картину нарисовал военный моряк А. К. Плансон.

¹⁷ Морской сборник. 1925. Отд. отт. С. 24.

сущность морской политики Великобритании, США, Франции, Испании, Японии, показав их безудержное стремление к использованию флотов как инструмента достижения целей колониальной политики на заморских территориях.¹⁸

Значительный интерес представляет проблемная статья „Изучение военно-морской мощи государства” во втором выпуске справочника „Военные флоты”. В ней Егорьев писал, что надо изучать флоты „в сложном переплетении экономических, политических, социальных, военных, географических и других факторов”.¹⁹ Для полной оценки военно-морского могущества страны необходимо изучать в совокупности „собственно военно-морские силы, т. е. судовой состав и личный состав; средства, т. е. все те сооружения, учреждения и приспособления (например, порты, доки, военно-морскую промышленность и т. д.), которые существуют для целей обслуживания флота; ресурсы, т. е. всю ту экономическую мощь государства, которая имеет свое внешнее выражение в виде военного флота и других вооруженных сил. И все это должно быть взвешено и оценено на фоне вероятных задач, ставящихся флоту, и вероятного театра военных действий”.²⁰

Егорьев был организатором и руководителем ежегодных поездок слушателей академии на флоты для практического изучения районов. Этому предшествовало серьезное обучение слушателей работе с картой. В 1922 г. ими был изучен Мурманский берег, в 1927 г. — черноморское побережье от Балаклавы до Одессы, в 1928 г. — Ладожское озеро и побережье Финского залива, в 1929 г. — Днепроприпятский район и т. д. После каждой такой поездки оформлялись отчеты, представляющие собой достаточно подробные описания изученных районов. Наиболее интересные материалы публиковались на страницах периодической печати. Так, в 1933 г. в „Морском сборнике” можно было увидеть статьи Егорьева „Морские границы советского Севера”, „Наши дальневосточные морские границы” и др.

В 1927 г. вышел в свет фундаментальный труд Егорьева „Балтийское море”, в котором впервые в географической

¹⁸ *Шведе Е. Е.* Военные флоты. 1925 г. Л., 1925.

¹⁹ *Шведе Е. Е.* Военные флоты. 1926—1927 гг. Л., 1926. С. 6.

²⁰ Там же. С. 8.

науке морской театр был рассмотрен как арена военных действий. В первой части монографии автор рассмотрел физико-географические характеристики Балтийского моря, выделив при этом те факторы, которые в большей степени влияют на боевое использование сил и средств флота, затем произвел не менее подробный военно-экономический анализ, а в заключительной главе дал военно-стратегическую оценку театра военных действий в целом. Даже спустя шестьдесят лет для военных географов этот труд может служить эталоном оценки морского театра военных действий.

Усложнившаяся обстановка на Дальнем Востоке вызвала необходимость создания военно-морского географического справочника по этому театру. По приказанию начальника ВМФ СССР Р. А. Муклевича в 1930 г. во Владивосток направляются В. Е. Егорьев, И. С. Исаков и В. А. Белли. В рекордно короткие сроки они подготовили к изданию четырехтомный труд „Военно-морской географический справочник по Дальневосточному морскому театру”. Это было первое в стране военно-географическое описание советского Дальнего Востока.

Несколько ранее Егорьев и Шведе выполнили работу по описанию Финского залива. Если же проанализировать историографию проблемы, то нетрудно заметить, что именно Егорьев в нашей стране начал планомерное изучение морских, речных и озерных театров. Почти ежегодно из-под пера Всеволода Евгеньевича выходили одна-две монографии. Его труды пользовались большим спросом на флотах, особенно в годы Великой Отечественной войны.

Следует подчеркнуть, что научной деятельности В. Е. Егорьева свойственно было доводить теоретические выкладки до их практического применения. Он не признавал иного подхода. В одной из научных статей он писал: „Военно-морское географическое изучение театра и районов военных действий не самоцель. Оно должно производиться для определенных (конкретных) или вероятных операций Морских Сил РККА”.²¹ А далее в этой же статье Всеволод Евгеньевич дает конкретные рекомендации, как учитывать в совокупности все элементы географической среды для

²¹ Морской сборник. 1932. № 4. С. 70.

операций подводных лодок, подкрепляя теоретические положения историческими примерами.

„Война 1914–1918 гг. дала примеры использования немецкими лодками приливно-отливных явлений в Английском канале. Здесь в первое время благодаря неопытности англичан в деле постановки мин немецкие подлодки использовали возможности безопасного от мин прохода сквозь заграждения при низкой воде, так как многие мины во время отлива всплывали на поверхность и играли для немцев роль оградительных буев”,²² – писал Егорьев. Трудно найти работу, в которой бы Всеволод Евгеньевич не прибегал к историческим примерам.

Особого упоминания заслуживает созданный Егорьевым в академии кабинет военно-морской географии, являвшийся в своем роде уникальным в нашей стране. В нем было полнейшее собрание атласов, морских карт и географических книг. Начало этому кабинету было положено еще перед первой мировой войной, когда Всеволод Евгеньевич начал собирать книги по иностранным флотам и географии для библиотеки статистического отдела Морского генерального штаба, начальником которого он был. Егорьев гордился своим детищем, его библиотекой и особенно уникальным глобусом, чуть ли не самым крупным в стране.

Всеволод Евгеньевич был одним из первых в советском флоте исследователей международных отношений. Он оставил в этой области большое литературное наследство, выдержавшее испытание временем. В своих трудах он затрагивал широкий круг вопросов: сокращение и ограничение морских вооружений на международных конференциях, работа Лиги Наций, проблемы гарантий, территориальных вод, англо-французского и англо-американского соперничества и т. д.

При анализе отношений между капиталистическими странами Егорьев исходил из открытого В. И. Лениным закона неравномерности экономического и политического развития при капитализме, из того, что противоречия и конфликты между капиталистическими странами являются не случайностью, а имманентным свойством империализма.

²² Там же. С. 73.

В основе отношений между капиталистическими странами лежит острая конкуренция, борьба за рынки сбыта и источники сырья, за политическое и экономическое влияние на малые страны, за укрепление своей военной мощи и ослабление своих потенциальных противников, за мировую гегемонию. При всем многообразии его научных интересов тема морского соперничества и разоружения стояла в фокусе всех его исследований, которым он посвятил десятки статей и две монографии.

В 1928 и 1929 гг. В. Е. Егорьев был морским экспертом советской делегации, работавшей в Женеве при подготовке к созыву Лигой Наций международной конференции по сокращению и ограничению вооружений. Советскую делегацию возглавлял народный комиссар иностранных дел М. М. Литвинов. В эти дни Всеволод Евгеньевич работал без устали. В архивах хранятся объемистые папки с рукописями в сотни страниц подготовленного им материала.²³

Эта работа Егорьева была высоко оценена высшим командованием. Начальник Морских Сил РККА докладывал народному комиссару по военным и морским делам К. Е. Ворошилову: „Морским экспертом на конференциях в Женеве был профессор Военно-морской академии тов. Егорьев. За это время им была проделана огромная подготовительная работа, на которую он затратил много времени и энергии”.²⁴ За отличную работу в качестве морского эксперта советской делегации в Женеве наморси Р. А. Муклевич наградил Егорьева денежной премией.²⁵

Большой интерес представляют статьи Егорьева об англо-американских разногласиях по вопросам морских вооружений и колебаний их политического курса в отношении СССР. Он вскрыл истоки англо-американского морского соперничества и убедительно показал, что, несмотря на военный союз этих двух держав в годы первой мировой войны, антагонизм в борьбе за гегемонию на море между ними нарастал. Особенно остро он проявился на Парижской мирной конференции 1919 г.

На страницах „Морского сборника” в статьях Всеволода

²³ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 15, 16, 75, 76, 78–80.

²⁴ Там же, д. 4. Письмо от 10 ноября 1930 г.

²⁵ Там же, ф. 352, оп. 1, д. 1434, л. 20.

В. Е. Егорьев. Женева, 1929 г.

Евгеньевича нашла отражение борьба между крупными империалистическими державами внутри Лиги Наций.

Серьезному научному анализу Егорьев подверг Вашингтонскую (1921–1922 гг.) и Лондонскую (1930 г.) конференции и показал, что они не устранили империалистических противоречий, не приостановили гонку вооружений, а наоборот, ее усилили. Всеволод Евгеньевич писал: „На всем протяжении послевоенных международных переговоров и конференций по разоружению правительства буржуазных государств применяли всякие ухищрения, чтобы скрыть их истинную сущность. Однако внимательное изучение немногих договоров, которые заключены империалистами якобы

в целях ограничения или сокращения вооружений, всегда приводит к определению подлинного содержания этих соглашений. Не разоружение и мир несут они, а вооружение и войну”.²⁶

На страницах „Морского сборника” Егорьев показал, что „вашингтонские” ограничения размеров и калибра орудий линейных кораблей не привело ни к реальному ограничению, ни, тем более, к уменьшению их боевой мощи. Он писал: „В пределах «договорных» норм англичане построили после Вашингтонской конференции два линкора («Нельсон» и «Родней»). Последние додоговорные английские сверхдредноуты «Ройял Соверен» имели водоизмещение 33 500 тонн, «Нельсоны», в соответствии с узаконенным договором методом исчисления стандартного водоизмещения, фактически оказались в 40 000 тонн, т. е. на 30 % больше. Вес бортового залпа «Ройял Соверен» 7352 кг, «Нельсона» – 9450 кг, т. е. на 28 % больше, дальность стрельбы соответственно 121 и 190 кабельтовых. Толщина бортовой брони 330 и 355 мм, толщина палубы 76 и 159 мм”.²⁷ Доказательства более чем убедительные.

Можно без преувеличения сказать, что В. Е. Егорьев внес серьезный вклад в советскую историографию по вопросам разоружения. В его работах по этой проблеме дается интересное и содержательное описание Вашингтонской и Лондонской конференций, 5-й и 6-й сессий подготовительной комиссии по сокращению вооружений, в них содержится глубокий анализ соперничества между крупнейшими империалистическими государствами в области морских вооружений.

Понимая значение иностранных языков для служебной деятельности морского офицера, Егорьев выступил с инициативой о создании в академии кафедры иностранных языков. В начале 20-х годов она называлась кафедрой технического языкознания, а затем была переименована в кафедру иностранных языков. До конца Великой Отечественной войны Всеволод Евгеньевич по совместительству руководил этой кафедрой. Его стараниями была создана библиотека „Английской морской хрестоматии”. Егорьев

²⁶ Морской сборник. 1932. № 2. С. 135.

²⁷ Там же. С. 140.

определял тематику изданий, а также выполнял научное редактирование издаваемых в академии учебных пособий на иностранных языках.

В конце 20-х годов в стране развернулась борьба с „носителями буржуазно-реакционных теорий в советской военной науке”. На страницах военной периодической печати отмечалось, что распространенные до сего времени у нас на Морских Силах теории Б. Б. Жерве, М. А. Петрова и других являются „враждебными нам, идеалистическими теориями и растут из буржуазной идеалистической школы морской стратегии старой Николаевской морской академии, которую возглавлял в свое время идеалист и мистик Н. Л. Кладо”.²⁸ После таких публикаций профессор Б. Б. Жерве вынужден был подать рапорт об освобождении его от должности начальника академии. Приказом РВС СССР от 14 января 1930 г. начальником и военным комиссаром Военно-морской академии был назначен ее выпускник 1927 г. К. И. Душенов. Жерве был оставлен в академии на должности начальника кафедры стратегии, однако и ее вскоре он вынужден был оставить.

С приходом Душенова в академии началась решительная ломка сложившихся к этому времени основ преподавания. Профессорско-преподавательскому составу пытались навязать примитивно-школярский метод преподавания. Среди слушателей и профессоров появилось взаимное недоверие. Новый начальник академии говорил: „Мы должны готовить командира-бойца, а не ученого”.²⁹ В результате такого подхода академические программы снизились в своем теоретическом уровне.

Спокойному и обоснованному выяснению истины мешал догматизм и так называемая цитатология, когда оппоненты, желавшие сокрушить своих противников как „антимарксистов”, извлекали из сочинений К. Маркса, Ф. Энгельса, В. И. Ленина и И. В. Сталина отдельные высказывания и, толкуя их односторонне, приписывали оспариваемым взглядам одиозный характер. Иногда эти приемы приобретали форму политических „разоблачений” и мешали свободному развитию научной мысли.

²⁸ Там же. С. 29–30.

²⁹ РГАВМФ, ф. 2224, оп. 1, д. 4, л. 168.

Несмотря на такую нервную обстановку, Егорьев продолжал плодотворно вести научную деятельность. В начале 30-х годов из-под его пера вышел очередной фундаментальный труд – „Методы и приемы военно-морского географического исследования театров (районов)”. В этой солидной монографии автор изложил основы нового направления географической науки – военно-морской географии. Им были сформулированы цели и задачи, содержание и методы военно-морской географии, а также с привлечением запоминающихся примеров показано влияние природной среды на характер боевой деятельности сил флота. При этом Егорьев выделял географические факторы, которые в первую очередь следует учитывать при планировании десантных и противодесантных операций, минно-заградительных и противоминных действий, т. е. при решении силами флота конкретных задач. Он писал: „Примеров использования природной среды для операций и боя – тысячи. Одним из классических исторических примеров может служить удачное использование тумана для маневренной минной постановки заградителем «Амур» в мае 1904 г., следствием которой была гибель двух японских броненосцев – «Хатсу-се» и «Ясима»”.³⁰

Тезисы этого труда обсуждались на всесоюзном совещании военных географов, где получили полнейшую поддержку и одобрение. Через некоторое время Всеволод Евгеньевич приступил к чтению нового курса – военно-морской географии.

Иногда считают, что когда-то военно-морская география называлась военно-морской статистикой, которой занимались еще до 1917 г. На самом же деле военно-морская статистика и военно-морская география – это две самостоятельные научные дисциплины, имеющие различные цели и задачи, объекты исследования и методы. Притом создателем теоретических основ как военно-морской статистики, так и военно-морской географии в нашей стране по праву считается профессор Всеволод Евгеньевич Егорьев.

В начале 30-х годов Егорьеву пришлось также работать и над подготовкой к изданию первой „Советской военной

³⁰ Методы и приемы военно-морского географического исследования театров (районов). Л., 1931. С. 12.

энциклопедии". В декабре 1929 г. постановлением РВС СССР было принято решение об издании этого труда в 12 томах. Председателем редакционного совета был назначен народный комиссар по военным и морским делам К. Е. Ворошилов, а его заместителем — начальник главного политического управления РККА Я. Б. Гамарник.

Всеволод Евгеньевич не раз встречался с редактором морского отдела В. М. Орловым, бывшим в то время начальником Морских Сил. Во время этих встреч обсуждался словарь будущей энциклопедии, решались методологические вопросы и т. д. Подготовительная работа занимала много сил и времени, многие вопросы приходилось решать впервые. Помимо того, что Егорьев занимался рецензированием и редактированием присланных статей, он также и сам подготовил несколько статей.

Но удалось издать только первые два тома „Советской военной энциклопедии". Известный советский военный теоретик генерал-лейтенант М. М. Кирьян отмечал, что в ходе подготовки первых двух томов обнаружились значительные трудности, обусловленные прежде всего отсутствием единства взглядов на многие вопросы военной теории, сказалась также недостаточность опыта в таком ответственном деле, как издание энциклопедии. „Эти и другие причины привели к тому, что после выпуска 2-го тома дальнейшее издание энциклопедии было прекращено".³¹

Что же это были за „другие причины", о которых раньше нигде не упоминалось? Об этом надо сказать, так как в начале 30-х годов в ходе очередной „чистки" членов и кандидатов ВКП(б) без вины пострадали многие. В партийных документах тех лет отмечалось, что „особенно тщательной должна быть чистка от всех некоммунистических, разложившихся, чуждых, бюрократившихся, примазавшихся, шкурнических элементов, по-чиновничьи относящихся к своим обязанностям".³² „Чистка" проходила главным образом по признакам классового происхождения, а так

³¹ Кирьян М. М. Проблемы военной теории в советских научно-справочных изданиях. М., 1985. С. 14–15.

³² Коммунистическая партия Советского Союза в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. Часть II. М., 1954. С. 610.

как подавляющая часть авторов энциклопедии были офицерами царской России, т. е. имели дворянское происхождение, то они в первую очередь и пострадали. Многие были арестованы, с другими ограничились серьезными беседами и предупреждениями. В результате была подавлена инициатива, творческая обстановка сменилась недоверием и подозрительностью. В таких условиях не могло быть и речи о свободном обмене мнениями и, конечно, о дальнейшей работе над энциклопедией.

В предвоенные годы западные военные теоретики в один голос заявляли, что десантные операции в будущем будут еще более редким явлением, чем это имело место в годы первой мировой войны. Английский генерал Джон Фуллер писал: „...десантные экспедиции стали настолько трудными, что в настоящее время их почти невозможно провести успешно против хорошо вооруженного противника”.³³

Советские военные теоретики Б. Б. Жерве, А. Н. Сакович, И. С. Исаков и другие были другого мнения, они говорили о большой перспективности морских десантных операций в будущих войнах. К началу Великой Отечественной войны в нашей стране были разработаны теоретические основы морской десантной операции, нашедшие отражение в „Наставлении по ведению морских операций”, изданном в 1940 г. Все вопросы, связанные с военно-географической оценкой района при планировании морской десантной операции, были разработаны при непосредственном участии профессора Егорьева. Возглавляемая им кафедра принимала самое активное участие в разработке всех оперативно-тактических документов, жизненная сила которых была подтверждена опытом Великой Отечественной войны.

За большой вклад в военную науку и успехи в педагогической деятельности приказом народного комиссара обороны СССР от 2 июля 1935 г. Егорьеву было присвоено ученое звание „профессор высших военно-учебных заведений РККА”. В приказе начальника академии отмечалось: „...как преподаватель-методист профессор В. Е. Егорьев служит примером в подготовке и проведении лекций и практических занятий, имея заслуженный авторитет среди препода-

³³ Фуллер Дж. Операции механизированных сил / Пер. с англ. М., 1933. С. 26.

вателей и слушательского состава академии и военно-морских училищ". В этом же году Всеволоду Евгеньевичу было присвоено персональное воинское звание флагмана 2 ранга. А когда в мае 1940 г. Указом Президиума Верховного Совета СССР были учреждены персональные звания для высшего командного состава, то В. Е. Егорьеву, одному из первых в ВМФ, было присвоено воинское звание контр-адмирала.

Начало Великой Отечественной войны для Егорьева неожиданным не было. Он понимал, что это должно было вот-вот произойти. Неожданным было другое – отступление Красной Армии, сдача одного за другим советских городов и сел и, наконец, нависшая угроза над Москвой, Ленинградом и всей страной. По возрасту Всеволод Евгеньевич не был направлен на действующий флот, хотя рапорт по команде он подал одним из первых.

С чувством тревоги ловил он вести с фронтов и к концу каждых суток красными флажками обозначал линию фронта. Запомнился общеакадемический митинг 3 июля 1941 г. Профессор Л. Г. Гончаров от имени преподавателей сказал: „Мы, старые преподаватели, должны без остатка отдать весь свой опыт молодым командирам Военно-Морского Флота, вооружить их всеми необходимыми знаниями для разгрома врага”.

С целью создания благоприятных условий для выполнения необходимой в условиях войны научно-исследовательской работы часть заслуженных преподавателей – как их тогда называли, „золотой фонд академии” – была эвакуирована из Ленинграда. Среди них были вице-адмиралы А. В. Шталь и Л. Г. Гончаров, контр-адмирал В. Е. Егорьев, инженеры-контр-адмиралы А. П. Шершов, Е. Л. Бравин и В. П. Мадисов и капитан 1 ранга С. А. Изенбек.

Вскоре была эвакуирована и академия, сперва в Астрахань, а потом в Самарканд. В отличие от старой Николаевской морской академии, свертывавшей свою работу на время войны, в ходе Великой Отечественной войны академия не только не прекратила деятельности по подготовке кадров, но постоянно совершенствовала ее, глубоко изучая и используя опыт войны в педагогической и научно-исследовательской работе.

Контр-адмирал В. Е. Егорьев в очень сжатые сроки сумел перестроить работу кафедры в соответствии с

нуждами войны. Критерием оценки стало не только качество учебного процесса, но и качество выполняемых на основе обобщения опыта войны научно-исследовательских работ. По предложению Егорьева даже название кафедры „Военно-морская география” было изменено на „Военно-морские театры и силы”.

Говоря об итогах развития оперативно-тактической мысли за 25 лет, профессор В. А. Белли отмечал: „...главнейшей задачей кафедр командного факультета во время войны являлось подробное изучение и обобщение опыта войны, чтобы еще во время войны выходить на новые пути оперативно-тактической мысли, изыскание новых вопросов, не установленных вовсе нашими уставными положениями или же еще недостаточно полно подчеркнутых ими. Разработка таких вопросов в научно-исследовательских трудах и внедрение их в учебный процесс – это важнейшая задача кафедр”.³⁴

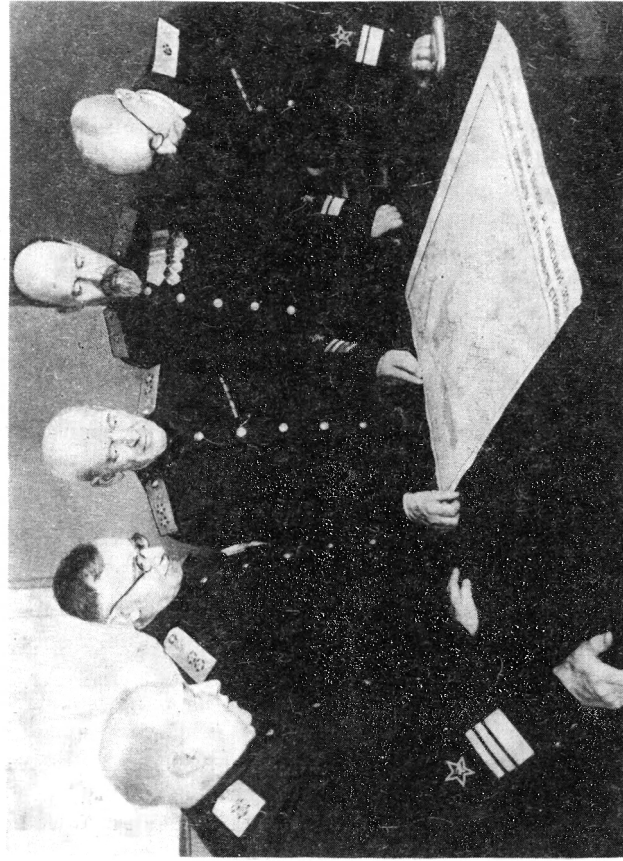
Наряду с педагогической деятельностью в академии Егорьев выезжал на флоты и флотилии для оказания практической помощи командованию в планировании операций и боевых действий. Так, с сентября по декабрь 1941 г. под его руководством были сделаны военно-географические описания большинства рек европейской части СССР.³⁵ В 1942 г. по инициативе Всеволода Евгеньевича была проведена рекогносцировка нижнего плеса Волги до устья реки. К началу Сталинградской битвы для армейского командования и Волжской военной флотилии кафедра под руководством Егорьева подготовила „Военно-географический обзор реки Волга”, „Описание артиллерийских позиций для кораблей Волжской военной флотилии”, „Альбом аэрофотоснимков реки Волга от устья до города Камышина” и др.³⁶

В ходе войны под руководством Егорьева были подготовлены десятки трудов по военно-географическому описанию театров военных действий. Среди них „Военно-географический обзор Северного морского театра”, „Военно-географический обзор Алеутских островов”, „Военно-географический обзор Каспийского моря” и др. Кроме того,

³⁴ Белли В. А. Оперативно-тактическая мысль за 25 лет (1919–1944). Л., 1944. С. 39–40.

³⁵ ЦВМА, ф. 2, оп. 1, д. 11, л. 373.

³⁶ Архив ВМА, кабинет-музей А. Н. Крылова, док. № 734, с. 11–12.

Группа ученых Военно-морской академии (слева направо):

Л. Г. Гончаров, Н. Н. Магусевич, А. П. Шершов, П. Ф. Папкович и В. Е. Егорьев, Ленинград, 1945 г.

кафедрой были составлены сотни письменных военно-географических справок по запросам штабов действующих флотов и флотилий.

В декабре 1941 г. в академической газете „Ворошиловец” была помещена статья „Работать так, как работает контр-адмирал профессор Всеволод Евгеньевич Егорьев”. В ней, в частности, отмечалось: „Контр-адмирал Егорьев В. Е. в течение последних лет неизменно занимает одно из первых мест среди профессорско-преподавательского коллектива Военно-морской академии.

Основой успеха служит непрекращающаяся работа над методологией своего предмета. Причем работа над методологическими вопросами чем дальше, тем больше опирается на классические труды марксизма-ленинизма и вследствие этого становится целеустремленной по содержанию и действеннее по значению. А это в свою очередь усиливает присущие профессору Егорьеву В. Е. качества – инициативу, настойчивость и, что особенно ценно, непрерывное стремление подчинить свою работу сегодняшним потребностям флота.

Как в научно-исследовательской работе, так и в педагогической профессор Егорьев В. Е. всегда ищет новые приемы анализа и изложения вопроса.

«Крупные и мелкие» препятствия и столь распространенные обычно «объективные трудности», как правило, теряют свою силу перед настойчивостью профессора Егорьева В. Е.

Всякий раз, когда обстановка выдвигала новые задачи и ставила новые вопросы, то Егорьев В. Е. немедленно и самым решительным образом подчинял всю работу руководимой им кафедры этим новым вопросам и задачам.

Так было в дни борьбы с белофиннами и так стало с первых дней Великой Отечественной войны.

Поучителен в этом отношении последний период в работе профессора Егорьева В. Е. Кафедра «Театр и силы» в соответствии с вновь возникшими потребностями Военно-Морского Флота, которые вскрылись в ходе войны, получив новую тематику для своей научно-исследовательской работы, установила жесткие сроки и немедленно приступила к ее выполнению.

Трудностей предвиделось много. Не было необходимых карт, литературы, инструментов: для полевых работ нужны

были катер, автомобиль и даже самолет. Многого академия предоставить не могла...

Вот здесь-то и произошла проверка личных качеств руководителя кафедры. Буквально в несколько дней бригада, возглавляемая контр-адмиралом Егорьевым Е. В., была полностью укомплектована, нашла все требуемые материалы и средства и отбыла для полевых рекогносцировочных работ. Задание было выполнено, как по содержанию, так и по времени".³⁷

В период войны в академии широко практиковалась такая форма научных дискуссий, как конференция. Профессор Егорьев был не только их участником, но и часто выступал с докладами. Так, в декабре 1942 г. он выступил с докладом о влиянии географического фактора на характер боевых действий на море по опыту Великой Отечественной войны. Говоря об обороне военно-морских баз, Егорьев отмечал: „Не умаляя несколько исторических заслуг покрывших себя славой героических защитников Севастополя, необходимо сделать два вывода относительно использования условий местности в Севастопольской эпопее.

Первый крепкий оборонительный рубеж на подходах к нашей черноморской базе – Перекопский перешеек – не был достаточно использован нами. А вместе с тем узкое дефиле шириной между Каркинитским заливом и Сивашем не более 10–20 км, обладающее значительной оперативной глубиной – не менее 30 км, с точки зрения военно-географических данных могло бы считаться вполне благоприятным районом для длительной задержки (если не окончательного удержания) здесь противника.

За Перекопом, перед выходом на территорию Крыма известны Ишуньские позиции, оборона на которых облегчена наличием ряда труднопроходимых озер. И здесь преимущества со стороны местности были у обороняющегося".³⁸ Но, к сожалению, обе эти позиции нами не были использованы и без особого труда преодолены противником. И только по мере продвижения его к Севастополю сопротивление наших войск нарастало.

Только один этот фрагмент из выступлений Егорьева говорит о его широком кругозоре и умении мыслить

³⁷ Ворошиловец. 1941. 31 декабря.

³⁸ ЦВМА, ф. 2, оп. 6, д. 14, л. 317.

нестандартно. В годы войны Всеволод Евгеньевич также по личной инициативе проводил семинары по военно-морской географии с преподавателями военно-морских училищ.³⁹ На этих семинарах вырабатывалось единство взглядов на оценку военно-географических факторов при планировании операций и боевых действий, росло также и педагогическое мастерство преподавателей.

В июне 1943 г. „за образцовое выполнение заданий командования в борьбе с немецкими захватчиками” Указом Президиума Верховного Совета СССР В. Е. Егорьев был награжден орденом Трудового Красного Знамени. А в сентябре того же года ученый совет академии единогласно принял решение о присуждении ему ученой степени доктора военно-морских наук по совокупности опубликованных им научных трудов.

В октябре 1943 г. в академии широко отмечалось 60-летие со дня рождения В. Е. Егорьева. Нарком ВМФ адмирал Н. Г. Кузнецов наградил юбиляра именными золотыми часами. В его поздравительном приказе отмечалось: „...тов. Егорьев отдает все силы, знания и свой богатейший опыт на укрепление мощи Военно-Морского Флота для достижения нашей победы над немецко-фашистскими захватчиками”. В 1944 г. „за высокие достижения в научно-педагогической работе и вклад в дело победы над германским фашизмом” Егорьев был удостоен ордена Красного Знамени.

С переносом военных действий за пределы СССР решением наркома ВМФ В. Е. Егорьев был назначен консультантом по международно-правовому отделу Главного морского штаба.⁴⁰ Его рекомендации во многом способствовали успешным действиям Северного, Балтийского и Черноморского флотов, а также Дунайской и Днепровской военных флотилий в стратегических операциях в кампаниях 1944 и 1945 гг. Уже после войны Адмирал Флота Советского Союза И. С. Исаков рассказывал офицерам академии, что когда были захвачены трофейные документы с картами западного побережья Черного моря, то обнаружилось, что десантно-доступные места, определенные Егорьевым еще в 30-х годах, полностью соответствовали фактической противо-

³⁹ Там же, ф. 444, оп. 2112, д. 4, л. 4.

⁴⁰ Архив ВМА, кабинет-музей А. Н. Крылова, док. № 2466, с. 76.

десантной обороне побережья. Когда же потребовалось высаживать морские десанты под Ленинградом, в Петергофе и Стрельне, то командование, не имея описания этих районов, вынуждено было обращаться к яхтсменам, в то время как Егорьев задолго до начала войны неоднократно принимал попытки описания своего побережья. Но его инициатива не получала поддержки сверху.

1 апреля 1944 г., в период пребывания в Самарканде, академия праздновала свой 25-летний юбилей. По этому случаю было получено более 150 адресов и приветственных телеграмм. Вот одна из них: „Прошу вас, профессоров и слушателей родной академии, принять мои искренние поздравления с исполнившимся 25-летием возобновления славной деятельности.

Двести сорок лет тому назад Петр Первый требовал доставки недорослей из дворян в навигацкую школу, их провозжали как на каторгу и доставляли в кандалах. Теперь лучшие офицеры флота являются на состязательный экзамен в академию, чтобы, пополнив свои знания, громить врагов нашей Родины. Академик А. Н. Крылов”.⁴¹

Указом Президиума Верховного Совета СССР „за исключительные заслуги перед Родиной в деле подготовки высококвалифицированных офицерских кадров Военно-Морского Флота и успешную научно-исследовательскую работу, направленную на повышение боевой деятельности флота”, академия была награждена высшей правительственной наградой — орденом Ленина.

В канун юбилея группе ученых Военно-морской академии были присвоены высокие звания заслуженного деятеля науки РСФСР и заслуженного деятеля науки и техники РСФСР. Среди них были вице-адмиралы Л. Г. Гончаров и А. В. Шталь, инженеры-вице-адмиралы Н. Н. Матусевич и А. П. Шершов, инженер-контр-адмирал П. Ф. Папкович и контр-адмирал В. Е. Егорьев.⁴²

В эти дни газета „Красный Флот” писала: „Труды В. Е. Егорьева по военно-морской географии, истории и вопросам военно-морской политики являются ценным вкладом в мировую науку”.⁴³

⁴¹ Ворошиловец. 1944. 1 апреля.

⁴² РГАВМФ, ф. 2224, оп. 1, д. 70, л. 20.

⁴³ Красный Флот. 1944. 22 октября.

В конце 1944 г. в связи с необходимостью более широкого использования опыта Великой Отечественной войны в оперативной и боевой подготовке, а также расширения военно-исторической работы на флотах в академии были открыты Высшие исторические курсы. Как крупного специалиста Егорьева привлекли для чтения лекций по истории первой мировой и русско-японской войн. Вскоре Всеволод Евгеньевич должен был полностью переквалифицироваться в историка, его назначили начальником кафедры истории военно-морского искусства.

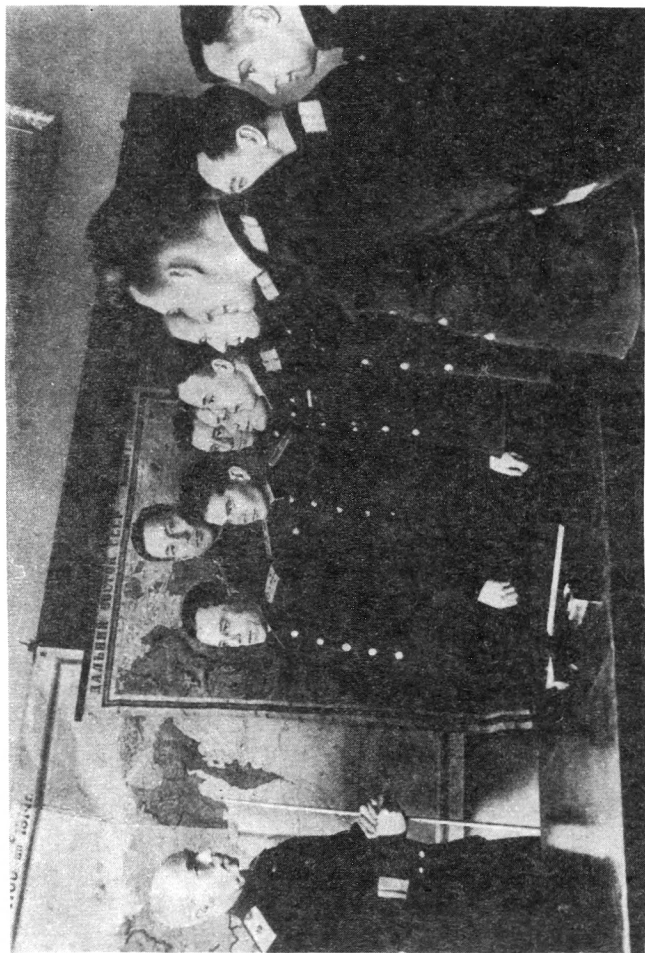
Сотни слушателей командного и инженерных факультетов, а также академических курсов слушали лекции профессора Егорьева. Многие из них стали видными флотоводцами и военачальниками, а некоторые – крупными учеными. Среди них начальники Морских Сил РККА В. М. Орлов и М. В. Викторов, нарком ВМФ в годы Великой Отечественной войны Н. Г. Кузнецов, начальники Главного морского штаба Л. М. Галлер и И. С. Исаков, командующие флотами И. К. Кожанов, К. И. Душенев, А. Г. Головкин, В. Ф. Трибуц, И. С. Юмашев, командующие флотилиями Н. О. Абрамов, Ю. А. Пантелеев, В. С. Чероков, академик АН СССР А. И. Берг, член-корреспондент АН СССР М. И. Яновский и многие другие.

В приказе наркома о поощрении Егорьева были такие слова: „...стоящая на большой высоте по качеству и организованности учебно-методическая и научно-исследовательская работа возглавляемой вами кафедры хорошо памятна всем бывшим слушателям Военно-морской академии им. Ворошилова”.

Деятельность В. Е. Егорьева в стенах Военно-морской академии достаточно полно и объективно отражена в аттестациях, подшитых в его личном деле:

„1925 год: ...весьма ценный научный и педагогический работник Военно-морской академии. Военно-морское образование отличное и разностороннее. В отношении педагогического умения проявляет большой талант, непрерывно совершенствуя свой многолетний опыт на новых методах преподавания, принятых в Военно-морской академии”.

„1926 год: ...весьма ценный научный работник. Отношение к работе добросовестное. Настойчив, обладает волей и служебным тактом”.

В. Е. Егорьев среди слушателей Высших исторических классов.
Ленинград, 1945 г.

„1928 год: ...обладает большими научными познаниями. Владеет тремя иностранными языками”.

„1930 год: ...энергичен и решителен. Весьма требователен. В политических вопросах разбирается хорошо”.

„1931 год: ...глубокий знаток своего дела. Руководит крупной научно-исследовательской работой по заданию центра. Ценный педагог”.

„1935 год: ...тов. Егорьев с должностью начальника кафедры вполне справился. Ведет большую научно-исследовательскую работу по своей специальности. Занимаемой должности соответствует” (председателем этой аттестационной комиссии был С. М. Буденный).

Однако в пылу „разоблачения врагов народа” нашлись и такие, которые, несмотря на огромные заслуги ученого, вспомнили его дворянское происхождение и записали: „...после подыскания замены подлежит демобилизации как не заслуживающий политического доверия”. Для 1938 г. обвинение более чем серьезное...

Для выяснения истины потребовалось создание специальной аттестационной комиссии в составе флагмана 1 ранга Г. А. Степанова, армейского комиссара 2 ранга И. В. Рогова, флагмана флота 2 ранга Л. М. Галлера, бригадного комиссара А. А. Николаева и флагмана 1 ранга Ю. Ф. Ралль. В 1939 г. членами этой комиссии была подписана аттестация, в которой отмечалось: „В. Е. Егорьев должности начальника кафедры соответствует. В военное время целесообразно использовать консультантом по оценке военно-морских театров в Главном морском штабе”.

„1947 год: ...общеобразовательная и военная подготовка высокие, является крупным специалистом в области военно-морской географии и имеет обширные познания по истории военно-морского искусства. Заслуживает присвоения звания вице-адмирала”. Это была последняя аттестация Егорьева. В этом же году ученые Военно-морской академии выдвинули его кандидатуру для присвоения ученого звания члена-корреспондента Академии наук СССР.

Глава 4

Во главе редакции „Морского сборника”. В Географическом обществе и Доме ученых им. М. Горького АН СССР

Плавания В. Е. Егорьева в Тихом, Индийском, Атлантическом и Северном Ледовитом океанах и во многих морях повлияли на выбор его будущей деятельности. Во время этих плаваний Всеволод Евгеньевич изучал географию морей и океанов, зарисовывал берега, маяки, составлял описания портов и т. д. Все это он делал с юношеской увлеченностью, которая очень быстро переросла в потребность систематического и серьезного занятия географической наукой.

В 1912 г. Егорьев становится действительным членом Императорского Российского географического общества. Членский билет он получал из рук выдающегося русского путешественника, вице-председателя общества¹ П. П. Семёнова-Тян-Шанского, одного из самых деятельных помощников основателя общества и первого его вице-председателя адмирала Ф. П. Литке.

Переступив порог прекрасного, специально построенного для Географического общества особняка в Демидовом переулке, Всеволод Евгеньевич попал в мир увлекательных путешествий. От каждого предмета веяло стариной и загадочностью экзотических уголков земного шара. В помещениях витал дух исследователя Новой Земли Ф. П. Литке, открывателя Антарктиды М. П. Лазарева, создателя первого ледокола С. О. Макарова... За всеми этими именами стоят новые земли, исследование нехоженных морей и пустынь, непроходимых джунглей и таежных пространств, горных хребтов, ледников, озер и рек.

¹ До 1917 г. звание председателя Географического общества носили лица царской фамилии.

Всеволод Евгеньевич не думал тогда, что Географическое общество станет для него местом более чем пятидесятилетней активной общественной и научной деятельности. Здесь он снова встретился, но уже как с коллегой, с Ю. М. Шокальским, ставшим после кончины П. П. Семенова-Тян-Шанского во главе общества.

Во второй половине прошлого века большое развитие в России получило статистическое дело. Оно было настолько популярным, что вначале даже Географическое общество предполагалось назвать Географ-статистическим. Академик Л. С. Берг в научной статье, посвященной 100-летию Географического общества, писал: „Основные работники государственного статистического дела вышли из недр общества”.² Среди них был и В. Е. Егорьев, работавший в отделении статистики России с 1912 г. Только в начале 30-х годов XX в. оно было переименовано в отделение экономической географии.

В начале века Россия снаряжает одну за другой экспедиции в северные моря. В 1908 г. на судне „Геркулес” к Новой Земле ушел В. А. Русанов, а через два года начала работы по изучению Восточно-Сибирского моря экспедиция морского министерства, состоящая из судов ледокольного типа „Таймыр” и „Вайгач”, которую возглавил капитан Б. А. Вилькицкий. Летом 1910 г. Егорьев готовил эти корабли к их сложному плаванию. И несмотря на то что экспедиции Вилькицкого пришлось зимовать у берегов Чукотки, результаты ее были потрясающими – впервые русские нанесли на карту острова Северной Земли. В 1912 г. на судне „Святой Фока” ушел к Северному полюсу Г. Я. Седов, а спустя два года на судне „Святая Анна” – Г. А. Брусилов.

Север будоражил умы научного мира. На заседаниях Географического общества в эти годы не раз выступали исследователи полярных морей Амундсен, Шеклтон, Шарко, Нансен и другие. Всеволод Евгеньевич старался не пропустить ни одного такого заседания. Из года в год растет его интерес к Северу. Его личная библиотека быстро пополнялась книгами по истории освоения полярных стран иностранными путешественниками. И становилось обидно за Россию, бюрократический аппарат которой выделял

² Берг Л. С. Географическое общество за 100 лет. Л., 1945. С. 173.

скудные средства для подобных исследований. Лишь одиночки понимали важность Севера для России. Среди них был и Егорьев. Он часто в своих лекциях и докладах приводил слова великого русского ученого Д. И. Менделеева: „Если бы хоть десятая доля того, что потеряно при Цусиме, была затрачена на достижение полюса, эскадра наша, вероятно, пришла бы во Владивосток, минуя и Немецкое море, и Цусиму, а главное, было бы много опытных моряков, привыкших взрывать сопротивляющиеся массы льдов, плавать под водой и вести бой с природою и людьми силою острожно-смелой предусмотрительности. Словом, по мнению моему, в нашем морском деле – для его успешного и верного движения вперед – лучше всего на один из первых планов поставить завоевание Ледовитого океана”.³

Всеволод Евгеньевич был неперменным участником заседаний, посвященных полярным исследованиям. На одном из них в 1920 г. был учрежден Комитет Севера, ставший той клеточкой, из которой затем выросло Главное управление Северного морского пути. В архивах сохранились записи Егорьева о выступлении Фр. Нансена в 1919 г., когда он впервые высказал идею применения авиации в Арктике; участника германской антарктической экспедиции на судне „Гаусс” В. Фильхнера в 1921 г.; О. Ю. Шмидта в 1932 г., рассказавшего о переходе за одну навигацию ледокольного парохода „Сибиряков” Северным морским путем. Весной 1938 г. на общем собрании участников дрейфующей станции СП-1 И. Д. Папанин, Е. К. Федоров, П. П. Ширшов и Э. Т. Кренкель были избраны почетными членами Географического общества СССР.

В 1913 г. в „Морском сборнике” была опубликована первая научная статья В. Е. Егорьева.⁴ В этой публикации он произвел критический анализ подготовки офицеров флота в Морском корпусе. Егорьев смело вскрыл все ошибки существовавшего обучения, показал, что русско-японская война ничему не научила. Столь резкая и откровенная критика вызвала негодование у директора Морского корпуса вице-адмирала А. И. Русина, который свое возмущение

³ Менделеев Д. И. К познанию России. СПб., 1906. С. 22.

⁴ Морское училище у нас и за границей // Морской сборник. 1913. № 5. С. 31–59; № 6. С. 39–53.

доложил рапортом морскому министру адмиралу И. К. Григоровичу, после чего последовал вызов Егорьева к морскому министру.

— Ни строчки больше или в отставку! — так закончил беседу с Егорьевым морской министр.

— Есть! — соблюдая морской этикет, ответил Всеволод Евгеньевич, покидая кабинет адмирала.

Однако через два дня последовал вторичный вызов Егорьева к министру. На этот раз беседа была куда более благоприятной. По всей видимости, Григорович лично ознакомился со статьей и она ему понравилась. Через некоторое время статья Егорьева была опубликована отдельным оттиском — этим морской министр как бы извинился перед ее автором.

Разве мог в то время подумать Всеволод Евгеньевич, что в 1919 г. ему придется возглавить редакцию „Морского сборника” и на протяжении десяти лет быть его главным редактором. С 1917 г. до назначения на эту должность Егорьева сменилось пять главных редакторов. Одни, столкнувшись с трудностями, сами отказались от этой хлопотной должности, другие просто не справились.

Всеволод Евгеньевич с большим энтузиазмом принялся за новое для него дело. Прежде всего он определил цели и задачи журнала, провел большую работу по подбору авторского коллектива. На страницах „Морского сборника” по инициативе Егорьева была развернута острая дискуссия о путях дальнейшего развития флота и его предназначении.

Вспоминая о работе редакции журнала в эти годы, начальник Военно-морского издательства С. Лукашевич писал: „Сотрудники в валенках, шапках и перчатках; посидят минут 30—40, встанут да руками и ногами хлопать начнут. Холод и голод одолевают. Придешь немного раньше — перо чернила не берет: тычешь пером в чернильницу, а там лед. Хорошо, что еще карандаши свойствам мороза не подвержены. Берешься за карандаш, а мысль уходит. Где бы сегодня пообедать?”⁵

Но уже в следующем году журнал „Красный Балтиец” (№ 6) отмечал: „Общее впечатление от журнала за 1920 г.

⁵ Морской сборник (1848—1923). Статьи, посвященные 75-летию журнала. Отд. отт. Пг., 1923. С. 4.

настолько благоприятно, на страницах дано так много разнообразного, интересного, обработанного материала, что нельзя не пожелать ему как можно более широкого распространения в Красном Флоте”.

В 1921 г. в журнале „Армия и революция” (№ 2—3) читаем: „...чувствуется сплоченность солидных литературных сил, видно, что редакция удачно умеет использовать в своих интересах морских специалистов, следит за иностранной литературой, представляющей собою теперь для нас неисчерпаемый источник в высшей степени полезных и крайне нужных вещей”.

Такую оценку „Морскому сборнику” давал ведущий военно-теоретический журнал страны „Военная мысль и революция” в 1922 г.: „Важное значение этого журнала, являющегося единственным научным военно-морским органом во всей республике, заставляет нас обратить на него внимание и быть требовательным к изданию, которое призвано выполнять видную и очень нужную роль в области военной литературы... В теперешнем же виде наш морской журнал по своему содержанию смело может конкурировать с аналогичными изданиями за границей”.

Заслугой Егорьева было то, что он в сжатые сроки сумел перестроить работу журнала и сделать его популярным не только в среде моряков, но и среди широкой общественности. В эти годы журнал сыграл огромную роль в формировании оперативно-тактических взглядов молодых командиров Красного Флота.

В 1923 г. „Морской сборник” отмечал свой 75-летний юбилей. По этому случаю 1 апреля в Морской академии было проведено торжественное заседание. На него были приглашены ученые, писатели, рабочие, студенты. В почетный президиум были выбраны известные ученые Ю. М. Шокальский, Е. И. Аренс, сотрудники журнала В. Е. Егорьев, М. А. Петров, Е. Е. Шведе, представители Академии наук.

Стены зала были украшены портретами главных редакторов журнала. Рядом с основателем „Морского сборника”, президентом Российской Академии наук академиком Ф. П. Литке было помещено еще 15 портретов, среди которых был и портрет В. Е. Егорьева.

После вступительного слова С. П. Лукашевича с большой речью выступил Егорьев. Он подробно рассказал историю „Морского сборника”, показал его роль в развитии

военно-морской мысли, а также остановился на проблемах текущего времени. Это выступление было полностью опубликовано в очередном номере журнала.

В телеграмме на имя Егорьева, подписанной наморси Э. Панцержанским и комиссаром Морских Сил Республики В. Зофом, отмечалось: „Близкий нам по духу, понятный и нужный, имеющий в прошлом несомненные исторические заслуги, современный «Морской сборник» смелыми шагами, отбрасывая рутину, прокладывает новые пути научно-исследовательской работы для строительства Рабоче-Крестьянского Красного Флота”.⁶

С приветствием от Российской Академии наук выступил академик А. П. Карпинский. Он сказал: „...«Морской сборник» скоро открыл себе дорогу в самые отдаленные и глухие уголки России, став одним из наиболее популярных журналов. Говоря о сегодняшнем дне, журнал занял почетное место и в специальной области науки, и в истории общественного движения в самом широком смысле”.⁷

В конце 1924 г. Красная Армия и Красный Флот вступили во второй этап своего развития, который начался с военной реформы. „Морской сборник” к этому времени закончил этап своего становления и организационного оформления как вполне сложившийся научно-теоретический печатный орган Красного Флота.

В 1920 г. по предложению Максима Горького в Петрограде при комиссии по улучшению быта ученых был создан первый в нашей стране Дом ученых. Егорьев становится одним из первых его членов. Здесь он часто выступал перед учеными с лекциями на военно-историческую и военно-географическую тематику.

Одна из многочисленных грамот, врученных Егорьеву, гласила: „Одному из наиболее активных работников Дома ученых, принимавшему участие в шефской работе на Краснознаменном Балтийском флоте”. В следующей грамоте военный совет флота „с глубоким удовлетворением отмечает активную деятельность В. Е. Егорьева в частях и на кораблях Краснознаменного Балтийского флота, в деле

⁶ Морской сборник. 1923. № 5. С. 124.

⁷ Там же.

Сотрудники редакции „Морского сборника”. Слева направо, сидят: П. П. Техин — секретарь журнала с 1913 г.; С. П. Лу-
кашевич — нацредиздата и бывший редактор Военно-морской научной
редакции и журнала; М. Л. Бертенсон — секретарь по научной части. Стоят: Е. Е. Шведе — редактор отдела и член
редколлегии журнала; Б. Б. Жерве — член редколлегии журнала; Н. В. Новиков — член редколлегии журнала;
А. Г. Житков — член редколлегии журнала, сотрудник по технической части и бывший и. д. редактора журнала;
М. А. Петров — член редколлегии журнала. Петроград, 1923 г.

повышения культурного уровня краснофлотцев, командиров и политработников”.⁸

Нельзя не отметить любовь Всеволода Евгеньевича к искусству. В Мариинском театре он не раз слушал „Золотого петушка” и „Кощей бессмертного” Н. А. Римского-Корсакова, „Фенеллу” Обера, „Руслана и Людмилу” М. И. Глинки, в Александринском смотрел гоголевского „Ревизора”, в Большом драматическом – „Дон Карлоса” Шиллера. Во время загородных прогулок Егорьев мог насвистывать мелодии Чайковского, Бетховена, Римского-Корсакова. Восторженно принял Егорьев поэму замечательного русского поэта Александра Блока „Двенадцать”. Как боевой призыв звучали ее строки:

Революционный держите шаг!
Неугомонный не дремлет враг!

Несмотря на свою крайнюю перегруженность служебными делами, Всеволод Евгеньевич всегда находил возможность откликнуться на многочисленные просьбы издательств, редакций, энциклопедий, журналов и газет, выступить со статьей или же дать тот или иной справочный материал, требующий его компетенции. За обширные и глубокие знания, общую культуру и эрудицию знакомые называли его „ходячей энциклопедией”.

В 1925 г. по случаю 200-летия Российской Академии наук В. Е. Егорьев на страницах „Морского сборника” опубликовал большую статью „Академия наук и флот”. На исторических примерах он показал двухвековую связь Академии наук с флотом. При этом отметил имена академиков Остроградского, Ленца, Струве, Бэра, Врангеля и других ученых, публиковавших свои статьи в „Морском сборнике”.

Любопытно отметить, что один из величайших математиков, Леонард Эйлер, состоял лейтенантом в русском флоте. Когда ему не было еще и 20 лет, он написал труд о расположении мачт на корабле, который был премирован Французской Академией наук. В зрелом возрасте он написал фундаментальный труд по теории корабля.

Академик Б. Б. Голицин также был морским офицером. Он преподавал в Морской академии. Его исследование

⁸ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 4, л. 69.

произвело подлинный переворот в сейсмометрии. В 1912 г. Голицин был избран председателем Международной сейсмологической ассоциации, объединявшей сейсмологов 22 государств.

Тепло писал Егорьев о профессоре Морской академии Л. П. Колонге, крупнейшем ученом России. Его работы по девиации магнитных компасов были удостоены в 1882 г. Ломоносовской премии и оценивались Академией наук в следующих выражениях: „Труды Колонга принадлежат к числу таких, которыми значение премии возвышается”.

По предложению В. Е. Егорьева в адрес Академии наук от редакционно-издательского совета Морских Сил было направлено приветствие, в котором, в частности, говорилось: „Академия наук СССР главные усилия в научно-исследовательской работе своей направляет в сторону мирного развития Союза Рабоче-Крестьянских Республик. Но в условиях переживаемого времени борьба с силами природы, завоевание естественных производительных сил требует постоянной готовности нашего государства к защите этой мирной работы вооруженною рукою.

Всякий военный флот вообще, будучи выражением высших достижений науки и техники, Красный же Флот Рабоче-Крестьянской Республики особенно нуждается в крайнем напряжении научных и технических сил. Только научно созданное и научно отточенное оружие может быть действенным на море.

Руководимая редакционно-издательским отделом Морских Сил РККФ военно-морская научная и популярно-политическая печать в составе журналов «Морской сборник» и «Красный Флот» и более 200 лет существующей типографии РИО сейчас более чем когда-либо видит в Академии наук союзника и старшего руководителя. Она полагает, что сотрудничество имен, наблюдавшееся в истории последних веков существования старой России, в России революционной должно заменяться более глубоким и широким участием академической науки в военно-морском деле, развитие и усовершенствование которого все еще жизненно необходимо нашей стране. Исследовательская работа академии в своих устремлениях в сторону мирных завоеваний не должна забывать также создание средств их защиты.

Приветствуя Академию наук СССР по случаю 200-летнего

ее юбилея, РИО Морсил РККФ желает ей полного успеха в высоком и почетном деле руководства знанием в первом в мире Великом Союзе Трудящихся".⁹

Кроме Егорьева, приветственный адрес подписали С. П. Лукашевич и Всеволод Вишневский.¹⁰

В январе 1927 г. в Географическом обществе торжественно отмечалось 100-летие со дня рождения П. П. Семенова-Тян-Шанского. На этом заседании Егорьев выступил с предложением об увековечении памяти выдающегося русского путешественника, а затем взял на себя хлопоты по установлению мраморной доски на доме, где жил ученый. Через некоторое время на фасаде здания появилась доска с надписью: „В этом доме с 1863 года жил и в 1914 году умер Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский”.

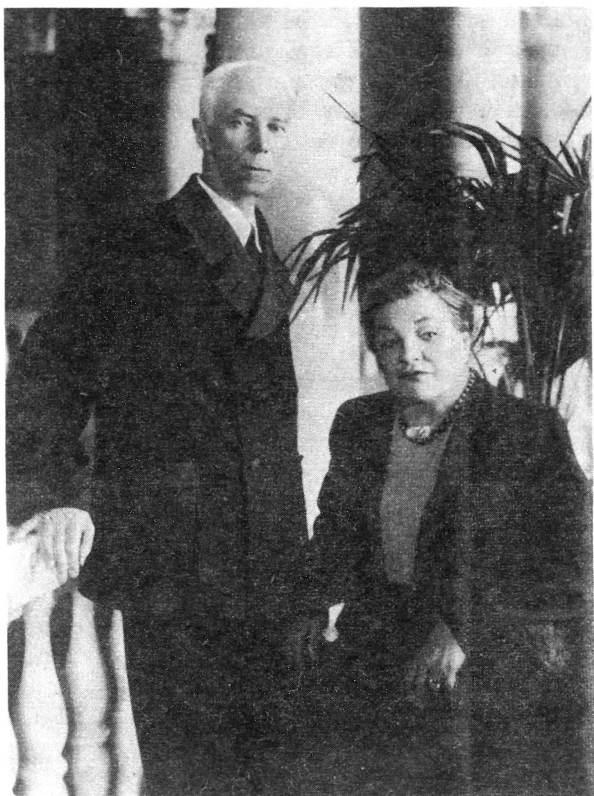
Всеволод Евгеньевич придавал огромное значение сохранению памяти о выдающихся деятелях науки и должному признанию их заслуг и очень огорчился, если кто-либо незаслуженно оставался забытым.

В следующем году Егорьев был одним из организаторов чествования 50-летия научной деятельности академика Ю. М. Шокальского в Военно-морской академии и в Географическом обществе. Всеволод Евгеньевич справедливо считал себя учеником Шокальского. В автобиографии он вспоминал, что первая его встреча с Шокальским произошла еще в 1899 г., когда он 17-летним юношей был воспитанником Морского корпуса. Лекции Шокальского все слушали с большим интересом, он увлекательно рассказывал о кругосветных путешествиях русских моряков, о плаваниях в южные широты Крузенштерна, Беллинсгаузена и Лазарева, о путешественниках Пржевальском, Семенове-Тян-Шанском, Потанине, Миклухо-Маклае. Эти лекции оставили глубокий след в памяти Всеволода Евгеньевича. С приходом же в Географическое общество он стал чаще встречаться с Шокальским, нередко в семейном кругу.

Окружающих поражала работоспособность В. Е. Егорьева. Перед выпуском очередного номера „Морского сборника” он мог всю ночь провести в типографии, а утром как

⁹ Морской сборник. 1925. № 9. С. 11.

¹⁰ Вс. Вишневский был старшим редактором Военно-морского издательства, а с 1927 г. — редактором „Морского сборника”.

В. Е. Егорьев с женой. Архангельское, 1955 г.

ни в чем не бывало шел читать лекции в Морской академии, часто по шесть часов подряд. Работать Всеволод Евгеньевич умел и любил.

Несмотря на занятость он всегда находил возможность уделить внимание семье — жене и дочери. В зимние воскресные дни он с дочерью совершал лыжные прогулки по Неве. Летом же всей семьей на несколько дней отправлялись в поездку по стране.

В 1929 г. флот отмечал десятилетие деятельности В. Е. Егорьева в „Морском сборнике”. В приказе по Военно-Морским Силам РККА отмечалось: „...в разгар гражданской войны, в условиях тяжелого экономического упадка страны, в огне морских и речных боев шел процесс ломки

и радикальной переделки отживших положений старой военно-морской науки, выковывались новые революционные доктрины. Блокада отрезала возможность наблюдения за мировой военной и военно-морской мыслью, питавшейся ценным опытом только что закончившейся войны.

В такой обстановке нужно было, одолевая многие неблагоприятные для работы факторы, обеспечить Рабоче-Крестьянский Красный Флот необходимыми материалами, не только информационными, но также и практическими и теоретическими. Надо было, далее, начать на страницах журнала собирать воедино опыт войн – мировой, гражданской, привлекая для этого работников и сколачивая из них литературный научно-исследовательский актив Красного Флота.

Всеволод Евгеньевич выполнил задание. «Морской сборник» питал этот флот нужным материалом, давал практические ценные указания и развивал постоянно ту работу, которая обеспечивает за «Морским сборником» звание одного из первых организаторских центров советской военно-морской мысли.

Благодаря умелой деятельности Всеволода Евгеньевича «Морской сборник» значительно развился и в прогрессе достиг многого, заняв достойное место в ряду союзных и мировых военных, военно-морских и научных периодических изданий”.¹¹

В поздравлении от Военно-морской академии говорилось: „В деле строительства Морских Сил РККА «Морскому сборнику» принадлежит почетное место. С одной стороны, журнал отразил в себе все этапы строительства Красного Флота, с другой – сам журнал современной постановкой актуальных вопросов способствовал укреплению его строительства”. В заключении поздравления отмечалось: „Ваше научное и техническое редактирование журнала, равно как и авторское в нем участие, способствовало всем достижениям журнала”.¹²

В 1942 г. начальник штаба Ладужской военной флотилии контр-адмирал А. П. Александров писал Всеволоду Евгеньевичу: „Лет двадцать тому назад по Вашему заданию по

¹¹ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 4, л. 54.

¹² Там же, д. 96. л. 103.

кафедре я написал свою первую оперативную работу «Лужская губа как маневренная база Балтийского флота» и хорошо помню, как пунктуально и добросовестно Вы поработали над ней синим карандашом. Лет пятнадцать назад в Вашем редакторском кабинете, в «Морском сборнике» столь же добросовестную учебу Вы провели со мной по поводу первых моих работ в журнале».¹³

Через два года после ухода Егорьева из редакции „Морского сборника” научный уровень журнала резко снизился, он начал терять свое лицо. В феврале 1932 г. начальник Морских Сил РККА и член РВС СССР В. Орлов вынужден был издать специальную директиву о неудовлетворительной работе журнала. Несмотря на огромную занятость, Всеволод Евгеньевич пришел на помощь. Вскоре положение начало меняться к лучшему.

Как крупного специалиста в области военно-морской географии Егорьева часто привлекали к работе по созданию карт и атласов. Он с самого начала своей научной деятельности карту считал неотъемлемой составляющей всякого географического исследования.

В 1918 г. В. И. Ленин, интересуясь работой Географического общества, поддержал идею ученых об издании географического словаря и нового русского общегеографического атласа. Через некоторое время была создана научная комиссия по составлению атласа под председательством В. Д. Кайсарова. От Географического общества в комиссию был включен Ю. М. Шокальский, а от морского ведомства — преподаватели Военно-морской академии, среди которых был и В. Е. Егорьев.

В 1934 г. Егорьев работал в специальной комиссии по подготовке к изданию Большого советского атласа мира и Атласа командира ВМФ.¹⁴ За участие в разработке тактико-технических заданий этих двух изданий ему была объявлена благодарность от высшего командования.

Инженер-контр-адмирал В. В. Каврайский вспоминал, что в начале 30-х годов Егорьев возглавлял работу по подготовке карт для совместных действий армии и флота. Под его руководством работали Н. Н. Матусевич, В. А. Унковский, Е. Е. Шведе и другие видные географы. К 1935 г.

¹³ Там же, л. 7.

¹⁴ Архив ВМА, кабинет-музей А. Н. Крылова, док. № 709, с. 43.

работа была успешно завершена.¹⁵ Но, к сожалению, в те времена она не была по достоинству оценена, так как считалось, что в будущей войне вряд ли корабли будут вести огонь по береговым целям. Первые же дни Великой Отечественной войны обнажили ошибочность подобных взглядов, а подготовленные Егорьевым материалы позволили в короткие сроки издать нужные для флотов карты и планшеты.

В 1939 г. Советское правительство приняло решение о создании Морского атласа. Егорьев был включен в состав редколлегии этого труда, не имевшего аналогов в мировой картографии, и с присущим ему энтузиазмом принялся за работу. И даже в годы войны Всеволод Евгеньевич не прекращал сбор материала для будущего издания.

В мае 1947 г. Председателем Совета Министров СССР И. В. Сталиным было подписано постановление за № 1804, текст которого гласил: „В связи с окончанием подготовительных работ по составлению Морского атласа, издание которого будет иметь общегосударственное значение, Совет Министров Союза СССР постановляет:

1. Поручить Министерству вооруженных сил СССР издать Морской атлас в 3 томах: навигационно-оперативный, физико-географический и военно-исторический.

2. Утвердить: ответственным редактором Морского атласа Адмирала Флота Исакова И. С., заместителем ответственного редактора по навигационно-оперативному тому Морского атласа контр-адмирала Лапушкина Я. Я., заместителем ответственного редактора по военно-историческому тому Морского атласа контр-адмирала Егорьева В. Е., главным редактором Морского атласа инженер-капитана 1 ранга Демина Л. А.”.¹⁶

Первый том Морского атласа увидел свет в 1950 г., а в апреле следующего года Егорьев получил от ответственного редактора следующую телеграмму: „Атлас обязан своим успехом в значительной мере Вашей помощи. К сожалению, мы не можем это выразить ничем, кроме именно-го экземпляра 1-го тома с надписью от редакции, что будет сделано по готовности хорошего альбома. Ваш Исаков”.¹⁷

¹⁵ Там же, с. 35.

¹⁶ Цит. по: Адмирал Флота Советского Союза Исаков Иван Степанович. Документы и статьи. Ереван, 1984. С. 21.

¹⁷ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 96, л. 58.

Высокое качество научной работы советских ученых над Морским атласом обратило на него внимание зарубежных специалистов. В 1958 г. на Всемирном геодезическом съезде один известный американский ученый откровенно признал, что Америка не может предъявить что-либо равнозначное. После того как вышел 3-й том атласа, в военно-теоретическом журнале ГДР отмечалось: „Нет никакого сомнения в том, что часть атласа, посвященная военной и военно-морской истории, является выдающимся произведением по истории военного и военно-морского искусства. Выход в свет первой части третьего тома Морского атласа представляет собой значительный успех советской марксистско-ленинской исторической науки”.¹⁸ 10 апреля 1958 г. в приказе Главнокомандующего Военно-Морским Флотом СССР было сказано: „...за научное руководство составлением и подготовкой к изданию первой части 3-го тома Морского атласа объявляю благодарность постоянному консультанту контр-адмиралу В. Е. Егорьеву”.¹⁹

С темпераментом патриота своей Родины и ученого-географа Всеволод Евгеньевич, как и все Географическое общество СССР, отстаивал священное право русских мореходов на открытие Антарктиды, на ее изучение и освоение. Ведь именно русские мореплаватели опровергли самонадеянное заявление Кука о том, что у Южного полюса нет никакой земли и человеку невозможно проникнуть к недоступной южной вершущке Земли. На собрании, состоявшемся 10 февраля 1949 г., президент Географического общества академик Л. С. Берг напомнил о том, что не Кук, а Беллинсгаузен и Лазарев, рискуя жизнью, первыми достигли берегов Антарктиды. С докладами выступили В. Ю. Визе, В. Е. Егорьев, С. В. Калесник, Е. Е. Шведе. Тогда же было принято решение обратиться к Советскому правительству с просьбой заявить иностранным государствам о правах СССР вести научные исследования в Антарктиде. Уже на следующий день в центральной печати был опубликован Меморандум Советского правительства о режиме Антарктиды. Этот документ был направлен правительствам

¹⁸ Цит. по: Адмирал Флота Советского Союза Иван Степанович Исаков. Сборник документов и материалов. Ереван, 1975. С. 375.

¹⁹ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 4, л. 107.

США, Великобритании, Франции, Австралии, Аргентины и Новой Зеландии.²⁰

В те годы советские научные экспедиции в южных широтах еще не работали, в связи с чем Географическое общество СССР обратилось к экипажу китобойной флотилии „Слава”, с 1946 г. ведущей промысел в этих районах, с просьбой приступить к сбору научных материалов, которые позволили бы более полно изучить ледовый режим и условия навигации приантарктических районов. Вскоре Географическое общество стало получать ценные научные данные, которые систематически публиковались в „Известиях Географического общества”. Так завязались связи ученых с промысловиками.

В 1950 г. Егорьев был откомандирован в Одессу, куда после длительного похода возвратилась „Слава”. В Одессе Всеволод Евгеньевич выступил с публичными докладами перед широкой аудиторией, в которых поведал о приоритете русских в открытии Антарктиды и правах СССР в вопросах режима этого далекого для нас материка. Один из докладов был прочитан в знаменитом Театре оперы и балета. Тепло принимал Егорьева экипаж „Славы”. В память о встрече одесситы подарили Всеволоду Евгеньевичу книгу о китобойной флотилии „Слава” и ее людях. На первой странице капитан-директор А. Соляник сделал такую запись: „Многоуважаемому Всеволоду Евгеньевичу Егорьеву от личного состава китобойной флотилии «Слава», капитан-директора флотилии с чувством глубокого уважения в память о личном посещении флагманского корабля и замечательном докладе для экипажа”. В своем докладе Всеволод Евгеньевич рассказал морякам, как много лет тому назад, в 1910 г. он слушал выступление в Географическом обществе английского путешественника Шеклтона, вернувшегося из экспедиции в Антарктиду. Тогда еще Шеклтон говорил о русских мореплавателях — первооткрывателях Антарктиды. Англичанина поразила точность, с которой русские нанесли на карту остров Петра I.

После этой поездки Егорьева связи между Географическим обществом и китобойной флотилией стали еще более тесными. Радиограммы из южных широт приходили обычно

²⁰ Правда. 1949. 11 февраля; Известия. 1949. 11 февраля.

В. Е. Егорьев на китовой флотилии „Слава”.
Одесса, 1950 г.

на имя Всеволода Евгеньевича. В них моряки сообщали ученому новые сведения географического характера. В 1953 г. Егорьев еще раз посетил китобойную флотилию „Слава”.

Исключительно большое значение Егорьев придавал пропаганде географических знаний. Он очень часто выступал с докладами в лектории имени Ю. М. Шокальского,²¹ в Ленинградском Доме офицеров, в Доме партийного просвещения, в школах и на предприятиях города. Так, в декабре 1951 г. он прочитал интересную лекцию о путешественнике Афанасии Никитине, в следующем году – о выдающемся русском мореплавателе и исследователе Дальнего Востока Г. И. Невельском. В архивах хранятся рукописи его лекций и докладов. Если свести их воедино, то получится солидный труд по истории полярных путешествий, кругосветных плаваний и географических открытий.

Лекции Егорьева всегда были очень интересными. Он ценил внешнюю форму, ясное и громкое изложение, а не чтение по рукописи. Всеволод Евгеньевич во всем старался походить на своего учителя Ю. М. Шокальского и вел беседу с аудиторией так же красиво и увлекательно, как и Юлий Михайлович.

В 1933 г. состоялся 1-й Всесоюзный съезд географов, созванный по инициативе Географического общества. На этот весьма представительный форум советских географов было приглашено более 800 делегатов. Всеволод Евгеньевич на этом съезде представлял ученых Военно-Морского Флота, ему был вручен делегатский билет за номером 268.²²

На съезде рассматривались вопросы освоения природных богатств, велись дискуссии по проблемам методологии географической науки, среднего и высшего географического образования, а также вырабатывались основные направления пропаганды географических знаний среди широких слоев населения.

В резолюции съезда экономическая география, которой уже несколько лет занимался В. Е. Егорьев, наконец-то

²¹ Лекторий Географического общества СССР был открыт 10 ноября 1938 г., а с 1940 г. ему было присвоено имя Ю. М. Шокальского. В 1938 г. общество было передано из ведения Народного комиссариата просвещения РСФСР в систему Академии наук СССР.

²² АГО, ф. 1-1933, оп. 1, док. № 5.

была признана как наука о размещении производства, об особенностях экономического развития отдельных стран и районов. Выход экономической географии на всесоюзную географическую трибуну явился началом теоретического обобщения опыта социалистического строительства. В эти годы Всеволод Евгеньевич усиленно занимался проблемами размещения производительных сил страны, а также изучением проблем экономической географии стран капиталистического мира.

В. Е. Егорьев одним из первых в стране установил взаимоотношения между природным окружением и человеческим обществом. Он понимал производство как единство производительных сил и производственных отношений. Он также одним из первых приступил к чтению курса экономической географии.

В 1947 г. В. Е. Егорьев был делегатом 2-го Всесоюзного съезда географов, явившегося 1-м съездом Географического общества СССР. На следующем съезде, в 1955 г. при Географическом обществе была создана Океанографическая комиссия, членом которой был избран Всеволод Евгеньевич.

С первых дней основания в 1947 г. Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний В. Е. Егорьев становится его членом. Здесь он часто выступал с циклом лекций о героических революционных и боевых традициях армии и флота.

В 1954 г. страна торжественно отмечала 50-летие героического подвига крейсера „Варяг” и канонерской лодки „Кореец”. 9 февраля, в годовщину боя, Адмирал Флота Н. Г. Кузнецов писал в „Правде”: „Подвиг «Варяга» и «Корейца» вошел в героическую историю нашего народа, в золотой фонд боевых традиций советского флота. В ожесточенных боях против врагов нашего социалистического государства советские моряки приумножили эти традиции”. Опубликованным в этот же день Указом Президиума Верховного Совета СССР известные к тому времени ветераны „за личное мужество и отвагу, проявленные в бою с японской эскадрой при Чемульпо 9 февраля 1904 г.”, были награждены медалями „За отвагу”.

В эти дни Всеволод Евгеньевич сделал несколько докладов о героическом подвиге „Варяга” и „Корейца”. Он давно готовил материал об этом бое. Еще когда был жив

Е. А. Беренс, бывший старший штурман „Варяга” во время боя при Чемульпо, Егорьев до мельчайших подробностей расспрашивал его о бое. Нисколько не умаляя подвиг русских моряков, Всеволод Евгеньевич отметит, что ошибкой командира крейсера капитана 1 ранга В. Ф. Руднева было то, что он связал себя тихоходным „Корейцем”, вместо того чтобы одним крейсером попытаться прорвать японскую блокаду с моря. По мнению Егорьева, ошибкой командира было также и то, что он затопил крейсер на мелком месте, не взорвав при этом все механизмы. Это дало возможность японцам очень быстро поднять корабль и без особого труда его восстановить. Не дав такого критического разбора, Егорьев не был бы Егорьевым.

При всей своей занятости Всеволод Евгеньевич старался не пропустить ни одного заседания военно-исторической секции Ленинградского Дома ученых, где он часто выступал с интересными докладами или небольшими сообщениями. Большой интерес общественности вызвал его доклад, посвященный 150-летию со дня смерти великого русского полководца А. В. Суворова. Тезисы этого доклада объемом более двух печатных листов хранятся в Российском государственном архиве Военно-Морского Флота. По одному списку использованной литературы можно судить о глубине доклада. В этот список вошли практически все основные труды о жизни и полководческой деятельности Суворова. Современники рассказывают, что Всеволод Евгеньевич никогда не выходил на трибуну неподготовленным. К любому выступлению он тщательно готовился. Однако полный текст своего выступления он никогда не писал, а ограничивался лишь планом и краткими тезисами.

Интересными были выступления Егорьева о действиях Владивостокского отряда крейсеров в русско-японскую войну, о работе Генмора в годы первой мировой войны. В годовщину 50-летия подвига эскадренного миноносца „Стерегущий” он сделал доклад об этой героической странице из истории отечественного флота. Анализируя этот эпизод русско-японской войны, Всеволод Евгеньевич отметит: „...доблести и мужеству русских моряков можно только восхищаться”, но на полях одной из книг он оставит запись: „Посылку двух слабых миноносцев в разведку к неприятельским базам следует признать ошибочной”.

В 1960 г. на общем собрании военно-исторической

В. Е. Егорьев за работой в архиве Географического общества СССР.
Ленинград, 1950 г.

секции В. Е. Егорьева избрали почетным членом секции. В его адрес за подписью председателя секции генерал-майора Г. Н. Караева было направлено письмо, в котором отмечалось: „Глубокоуважаемый Всеволод Евгеньевич! Принимая во внимание Ваше активное и плодотворное участие в работе нашей секции, общее собрание вынесло единогласное решение избрать Вас почетным членом военно-исторической секции Ленинградского Дома ученых имени Горького”.²³

²³ РГАВМФ, ф. 1366, оп. 1, д. 22, л. 2.

Душевная щедрость была неотъемлемой чертой характера Егорьева. Он всегда считал своим долгом поделиться знаниями и жизненным опытом со всеми, кто этого хотел или в этом нуждался. Отказывать он не любил и не умел. В своих статьях он давал полезные советы молодым офицерам о том, как надо укреплять и приумножать флотские традиции, рекомендовал, как изучать иностранные языки, рассказывал о развитии кругозора морского офицера и т. д.

За время многолетней деятельности Всеволода Евгеньевича в Географическом обществе СССР среди разных направлений его исследований было и руководство Архивом общества. Он был его куратором, продолжая работу академиков И. Ю. Крачковского и Л. С. Берга. Всеволод Евгеньевич разработал новое положение об Архиве Географического общества, которое было принято практически без изменений. За эту работу ему была вынесена благодарность президиума общества.

Архив Географического общества начал формироваться одновременно с основанием Географического общества. В нем собраны ценнейшие рукописные материалы, поступавшие в общество в разное время и от разных лиц. Здесь собраны рукописные материалы по географии, истории и смежным наукам, документы многочисленных экспедиций, рукописи по фольклору, этнографии и лингвистике народов СССР и зарубежных стран, являющиеся отражением великолепных памятников народного творчества. Выдающуюся научную ценность представляют личные фонды знаменитых русских путешественников и ученых — П. П. Семенова-Тян-Шанского, Н. Н. Миклухо-Маклая, Г. Н. Потанина, Г. Я. Седова, А. И. Воейкова, Л. С. Берга, Ю. М. Шокальского и многих других. Несколько лет назад к 100-летию со дня рождения В. Е. Егорьева в Архив были переданы новые документы, которые после их научной обработки пополнят именной фонд.

Кроме работы в Архиве Географического общества, Всеволод Евгеньевич был членом библиотечного совета, а также принимал участие в редактировании научных статей „Известий Всесоюзного географического общества”.

В 1960 г. В. Е. Егорьева избрали почетным членом Географического общества, в котором он состоял более полувека.

Заключение

Став во главе кафедры истории военно-морского искусства, В. Е. Егорьев все усилия кафедры направил на изучение опыта второй мировой войны.¹ Он понимал важность этой работы для дальнейшего развития советского военно-морского искусства. Наряду с изучением опыта боевой деятельности Советского ВМФ Всеволод Евгеньевич большую роль отводил также и опыту флотов капиталистических государств. В ходе научных поисков не удалось избежать и ошибок. Предложенные Егорьевым синхронные таблицы по военно-морской истории из-за чрезмерной громоздкости и сложности в академии не прижились. Совместными усилиями ученых Военно-морской академии было найдено новое направление – исследование боевого опыта флотов по проблемам.

Однако претворить в жизнь свои замыслы и планы Егорьеву не удалось. После того как было опубликовано в газете „Правда” Постановление ЦК ВКП(б) от 14 августа 1946 г. „О журналах «Звезда» и «Ленинград»», развернулась так называемая „борьба с космополитизмом”.² В октябре 1947 г. ее подхлестнуло письмо ЦК ВКП(б) „Об антигосударственных и антипатриотических поступках профессоров Ключевой и Раскина”. Об этом периоде развития советской исторической науки академик Н. М. Дружинин писал: „К сожалению, подъему творческой мысли историков мешали отрицательные явления, связанные с господствовавшим тогда «культом личности». Рост национального чувства, порожденный войной и победой над фашизмом, принял у многих преувеличенные формы, трудно-

¹ В. Е. Егорьев по совместительству возглавлял кафедру международного права.

² Правда. 1946. 21 августа.

совместимые с идеями интернационализма; крупная роль, сыгранная во время войны русским народом, толкнула некоторых на позицию национальной исключительности. Была развернута так называемая борьба с космополитизмом, которая доводила иных товарищей до отрицания культурного взаимодействия России с другими европейскими странами”.³ Под флагом борьбы с космополитами началось гонение против многих историков, сопровождавшееся неоправданными репрессиями.

В самом начале 1948 г. кафедру истории военно-морского искусства дважды проверяла „высокая московская комиссия”, признавшая работу кафедры неудовлетворительной только потому, что изучению флотоводческого искусства английского адмирала Нельсона уделялось больше времени, чем Петру Великому. К недостаткам в работе кафедры было отнесено и то, что непомерно много времени тратится на изучение боевого опыта флотов капиталистических государств в годы второй мировой войны. После этих „проверок” Егорьев вынужден был оставить службу навсегда.

В эти годы советской военно-исторической науке был нанесен большой вред, так как на многие годы было прекращено изучение богатейшего опыта иностранных флотов.

Однако жизнь разбила эту клеветническую демагогию. Имена многих ученых, в том числе и профессора В. Е. Егорьева были восстановлены. Президент Географического общества СССР академик А. Ф. Трешников, открывая совместное торжественное заседание Военно-морской академии и Географического общества, посвященное 100-летию со дня рождения Всеволода Евгеньевича Егорьева (ноябрь 1983 г.), отметил, что это заседание свидетельствует о глубоком уважении к памяти великолепного географа-мороведа, имя которого стоит в одном ряду с именами славных военных моряков, начиная от создателя Географического общества Ф. П. Литке и его соратников и современников Ю. М. Шокальского, Е. Е. Шведе, Л. А. Демина и других.

„Военные моряки, — заканчивая свое выступление, говорил Трешников, — были украшением общества и самыми активными его деятелями”.⁴

³ Дружинин Н. М. Воспоминания и мысли историка. Изд. 2-е, дополн. М., 1979. С. 76.

⁴ АГО, материалы к фонду В. Е. Егорьева.

Последние годы жизни В. Е. Егорьев тяжело болел, мужественно переносил нанесенную в конце 40-х годов душевную травму и старался хоть чем-нибудь быть полезным своему народу.

Не стало Всеволода Евгеньевича Егорьева 17 февраля 1967 г. Похоронили его с воинскими почестями в Ленинграде, на Серафимовском кладбище.

Когда похоронная процессия проходила мимо крейсера „Аврора”, на легендарном корабле был приспущен военноморской флаг, так же как много десятилетий тому назад приспускали андреевский флаг, когда крейсер прощался со своим командиром – отцом Всеволода Евгеньевича. Так флот, „Аврора” сказали последнее прощай династии военных моряков Егорьевых.

Основные даты жизни и деятельности В. Е. Егорьева

- 1883.** 23 октября (5 ноября) родился в семье морского офицера во Владивостоке.
- 1887.** Семья Егорьевых переехала из Владивостока в Кронштадт.
- 1896.** Закончил три класса Кронштадтской мужской гимназии. Определен воспитанником в Морской кадетский корпус в Петербурге.
- 1897—1901.** Плавал в Балтийском море на учебных кораблях Морского корпуса „Невка”, „Рында”, „Воин” и „Верный”.
- 1900.** Произведен в младшие гардемарины, унтер-офицеры.
- 1901.** Произведен в старшие гардемарины, старшие унтер-офицеры.
- 1902.** Закончил обучение в Морском корпусе, произведен в мичманы с зачислением в 19-й Балтийский флотский экипаж. Командирован в Штеттин младшим штурманом строящегося крейсера „Богатырь”.
- 1902—1903.** На крейсере „Богатырь” совершил переход с Балтики во Владивосток. Награжден нагрудным знаком в честь 200-летнего юбилея Морского корпуса.
- 1904.** „За отличия в делах против Японии” произведен в лейтенанты. Награжден орденами св. Станислава 3-й степени с мечами и бантом и св. Анны 4-й степени с надписью: „За храбрость”.
- 1904—1905.** Участвовал во всех боевых походах Владивостокского отряда крейсеров, в том числе в бою 1 августа 1904 г.
- 1905.** Награжден орденом св. Анны 3-й степени с мечами и бантом и светло-бронзовой медалью участника русско-японской войны.
- 1906.** На крейсере „Богатырь” совершил переход из Владивостока в Кронштадт.
- 1906—1907.** Совершил ряд плаваний на крейсере „Богатырь” с заходом во многие порты Европы и Африки.
- 1907.** Награжден тунисским орденом Нишан-эль-Ифтикар. Зачислен слушателем Артиллерийского офицерского класса в Кронштадте.
- 1908—1909.** Плавал на учебно-артиллерийском корабле „Петр Великий”. Закончил обучение в Артиллерийском офицерском классе. Зачислен в артиллерийские офицеры 2-го разряда. Назначен в комиссию по разработке инструкций по судовой артиллерии. Осуществлял контроль за изготовлением заказов флота на Обуховском, Балтийском и других заводах.
- 1910.** Произведен в старшие лейтенанты. Назначен старшим

- артиллерийским офицером на линейный корабль „Император Павел I”. За испытание линкора награжден орденом св. Станислава 2-й степени.
1911. Зачислен в артиллерийские офицеры 1-го разряда. Назначен старшим офицером линейного корабля „Император Павел I”.
 1912. Назначен помощником начальника статистического отделения иностранного отдела Морского генерального штаба. Награжден французским орденом Почетного легиона кавалерийского креста. Принят в действительные члены Императорского Российского географического общества.
 1913. Произведен в капитаны 2 ранга. Награжден светло-бронзовой медалью в память Отечественной войны 1812 г.
 1914. Назначен начальником статистического отделения Генмора. Награжден орденами св. Владимира 4-й степени, французским орденом Почетного легиона офицерского креста, английским орденом Бани, японским орденом Священного сокровища 3-й степени.
 1915. Награжден орденом св. Анны 2-й степени.
 1916. Произведен в капитаны 1 ранга.
 1917. Назначен помощником начальника Главного морского штаба. Начальник Главного управления по делам личного состава флота.
 1918. Добровольно вступил в Красную Армию. Назначен преподавателем Морской академии.
 - 1919–1930. Главный редактор научно-теоретического журнала „Морской сборник”.
 1920. Опубликовал фундаментальный труд „Военно-морское географическое и военно-морское статистическое изучение государства”, в котором изложил основы военно-морской статистики.
 1921. Принят в члены Ленинградского Дома ученых им. М. Горького АН СССР.
 1922. В зале Революции Училища командного состава принял военную присягу.
 1927. Присвоено ученое звание доцента. Удостоен звания преподавателя высших военных заведений. Опубликовал фундаментальный военно-географический труд „Балтийское море”.
 - 1928–1929. Назначен морским экспертом советской делегации, работавшей в подготовительной комиссии по сокращению и ограничению вооружений при Лиге Наций. Был участником заседаний 5-й и 6-й сессий в Женеве.
 1931. Опубликовал фундаментальный труд „Методы и приемы военно-морского географического исследования театров (районов)”, в котором изложил основы военно-морской географии.
 1933. Участвовал в 1-м съезде Географического общества СССР.
 1935. Назначен начальником кафедр военно-морской географии и иностранных языков Военно-морской академии. Присуждено ученое звание профессора высших военно-учебных заведений РККА.
 1936. Присвоено воинское звание капитана 1 ранга.
 - 1937–1938. Назначен заместителем начальника Военно-морской академии по научной и учебной работе.

1938. Награжден медалью „XX лет РККА”.
1939. Присвоено воинское звание флагмана 2 ранга. Принял текст новой военной присяги. Опубликовал фундаментальный военно-исторический труд „Операции Владивостокского отряда крейсеров в русско-японскую войну 1904–1905 гг.”.
1940. Присвоено воинское звание контр-адмирала. Включен в состав редколлегии Морского атласа.
1943. Назначен офицером-консультантом Главного морского штаба по вопросам международного права. Присуждена ученая степень доктора военно-морских наук. Присвоено почетное звание заслуженного деятеля науки РСФСР. Награжден орденом Трудового Красного Знамени.
1944. Награжден орденом Красного Знамени.
1945. Награжден орденом Ленина и медалью „За победу над Германией в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”. Назначен начальником кафедры истории военно-морского искусства и по совместительству кафедр международного права и иностранных языков.
1947. Принят в члены Всесоюзного общества по распространению политических и научных знаний.
1948. В отставке. Награжден медалью „XXX лет Советской Армии и Флота”.
1951. Избран куратором Архива Географического общества СССР. Член совета Архива АН СССР.
1957. Награжден медалью „В память 250-летия Ленинграда”.
1960. Избран почетным членом Географического общества СССР.
1965. Награжден медалью „Двадцать лет победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”.
1967. 17 февраля скончался в Ленинграде.

Научные труды В. Е. Егорьева

1911

О маневрировании наименьших тактических соединений в бою. СПб.: Мор. мин-во.

1912

На линейном корабле „Южная Каролина” // Мор. сб. № 3. С. 1—11; отд. отт. СПб.: Мор. мин-во.

Последние линейные корабли флота Северо-Американских Соединенных Штатов „Невада” и „Оклахома” // Мор. сб. № 6. С. 1—6; отд. отт. СПб.: Мор. мин-во.

1913

Морское училище у нас и за границей // Мор. сб. № 5. С. 31—59; № 6. С. 39—53; отд. отт. СПб.: Мор. мин-во.

Современное состояние морской артиллерии // Российский императорский флот 1913 г. СПб.: изд. А. Бенке.

1920

Военно-морское географическое и военно-морское статистическое изучение государств. Пг.: ВМА.

Дополнение к курсу военно-морского географического и военно-морского статистического изучения государств. Пг.: ВМА.

Очерк о службе Генштаба по части военно-морской статистики. Пг.: ВМА.

Организация работы информации внутри иностранной части Генмора в период до мировой войны и изменение в ней в течение хода войны 1914—1917 гг. Пг.: ВМА.

1921

Об английском опыте мировой войны // Мор. сб. № 1—2. С. 85—95.

Мировое торговое судоходство в 1921 году // Мор. сб. № 5–7. С. 158–162.

Мировой торговый тоннаж и его современное положение // Мор. сб. № 11. С. 156–160.

1922

Мировой торговый тоннаж и его современное положение // Мор. сб. № 1–2. С. 154–169.

Берегите материальную часть // Красный Флот. № 1. С. 53.

Обзор торгового судоходства // Мор. сб. № 10. С. 113–124; № 11. С. 142–147; № 12. С. 132–144.

Добывающая промышленность России и море // Мор. сб. № 12. С. 6–24.

1923

75-летие Морского сборника // Мор. сб. № 3–4. С. 11–57.

Обзор торгового судоходства // Мор. сб. № 3–4. С. 235–254.

Военная книга // Мор. сб. № 6. С. 211.

Противолодочные действия за границей в мировую войну // Мор. сб. № 7–8. С. 61–83.

1924

Главные потери Германии после Версальского мира // Красный Флот. № 1. С. 6–8.

Торговый флот // Мор. сб. № 4. С. 163–164.

Военная химия и военная статистика // Мор. сб. № 7. С. 78–86.

География и Красный Флот // Красный Флот. № 8. С. 39–42.

Военный обзор Балтийского моря // Красный Флот. № 10. С. 96–103; № 11. С. 116–124; № 12. С. 97–100.

1925

Морская политика главнейших морских держав / Л.: Мор. Силы Республики.

Морская политика главных морских держав // *Шведе Е.* Военные флоты 1925 г. Л.: Мор. Силы Республики.

Нужен ли нам морской технический журнал? // Мор. сб. № 1. С. 66–96.

Военный обзор Балтийского моря // Красный Флот. № 2. С. 85–91.

Академия наук и флот // Мор. сб. № 9. С. 3–22.

1926

Изучение военно-морской мощи государства // *Шведе Е.* Военные флоты 1926 г. Л.: Мор. Силы Республики.

Для чего нужна военно-морская статистика // Красный Флот. № 10. С. 83—88.

Военно-морская конвенция 1912 г. и последующие сношения по морским вопросам с Францией в период мировой войны // Кто должник? Сборник документированных статей по вопросу об отношениях между Россией, Францией и другими державами Антанты до войны 1914 г., во время войны и в период интервенции. М.: Авиоиздательство. С. 79—93. (Совместно с Е. Шведе).

1927

Балтийское море (военно-экономический обзор). М.: Воен. вестник.

1928

Современное положение вопроса об ограничении вооружений на море // Шведе Е. Военные флоты 1928—1929 гг. Л.: Военмориздат.

Евгений Андреевич Беренс (некролог) // Мор. сб. № 4. С. 3—7.

Германский морской музей // Мор. сб. № 4. С. 86—95.

Сведения об иностранных флотах // Мор. сб. № 4. С. 107—135. (Совместно с Е. Шведе).

Пятая сессия Женевской комиссии // Междунар. жизнь. № 4. С. 84—97.

Вопросы ограничения морских вооружений на 5-й сессии подготовительной комиссии Лиги Наций по созыву конференции по сокращению и ограничению вооружений и после нее // Мор. сб. № 5. С. 20—35.

Карта-лоция верхних слоев атмосферы // Мор. сб. № 5. С. 116—120.

Англо-французский морской компромисс и ограничения морских вооружений // Мор. сб. № 9. С. 111—130.

1929

Английский военно-морской журнал о разоружении, соревновании и равенстве флотов // Мор. сб. № 1. С. 153—156.

Американская крейсерская программа, „паритетность”, „право войны на море” и „туннель под Ламаншем” // Мор. сб. № 2. С. 99—116.

Морские вопросы на 6-й сессии подготовительной комиссии и конференции по разоружению // Мор. сб. № 6. С. 3—16.

Англо-американское морское соглашение и предстоящая Лондонская конференция // Мор. сб. № 11. С. 124—132.

Англо-американский морской компромисс // Междунар. жизнь. № 11. С. 3—11.

1930

Предварительная декларация участников Лондонской морской конференции // Мор. сб. № 1. С. 100—105.

По поводу создания Института военных переводчиков // Мор. сб. № 2. С. 81—86.

Первый этап Лондонской конференции // Мор. сб. № 3. С. 46—63.

Вашингтон и Лондонская конференция // Междунар. жизнь. № 3. С. 19—29.

Лондонское морское соглашение 1930 года // Мор. сб. № 6. С. 61—79.

Франко-итальянское морское соперничество и разоружение // Междунар. жизнь. № 6. С. 11—22.

Гаагская конференция по территориальным водам // Мор. сб. № 7. С. 81—88.

1931

Методы и приемы военно-морского географического исследования театров (районов). Л.: ВМА.

Внутренние водные пути Польши // Мор. сб. № 5. С. 59—70.

Опыт ударной коллективной научно-исследовательской работы // Ворошиловец. 5 декабря.

1932

Правда о разоружении и войне. М.; Л.: Партиздат. (Совместно с М. Ляс).

Состояние вопроса об „ограничении” и „сокращении” морских вооружений // *Шведе Е.* Военные флоты 1932 г. Л.: Военмориздат.

Военно-морской географический справочник по Дальневосточному морскому театру. В четырех томах. М.: ГШ ВМФ. (Совместно с И. Исаковым и В. Белли).

Английский канал // Советская военная энциклопедия. Т. I. М.: Сов. энциклопедия.

Несколько образцов „разоружительной” политики империалистов // Мор. сб. № 2. С. 135—145.

Некоторые вопросы изучения театра для операций подводных лодок // Мор. сб. № 4. С. 70—73.

1933

Внутренние водные пути Финляндии // Мор. сб. № 5. С. 90—103.

Содержание и методы военно-морского изучения театра // Мор. сб. № 7. С. 127—137.

Морские границы советского Севера // Мор. сб. № 9. С. 111—123.

Наши дальневосточные морские границы // Мор. сб. № 10. С. 102—113.

1934

- Порты Юки, Расин и Сейсин // Мор. сб. № 2. С. 134—143.
Перед новой конференцией по... вооружению // Мор. сб. № 8.
С. 107—127.
Шведские порты на Балтийском море // Мор. сб. № 11. С. 97—111.

1935

- Общий очерк и гидрометеорологический обзор Мурман и Баренцева моря. Предисловие к лоции. Л.: Гидрограф. отд. ВМС РККА.
Шведские порты // Мор. сб. № 1. С. 116—129; № 2. С. 115—122; отд. Л.: Военмориздат.

1936

- Сборник материалов по изучению морских театров. Л.: ВМА.
(Совместно с Е. Шведе и Ф. Савостовым).
Вооружения капиталистических держав в 1935 году // Мор. сб.
№ 1. С. 118—138.
Военно-морские силы капиталистических государств // Мор. сб.
№ 2. С. 126—133.
Кафедра военно-морской географии // Ворошиловец. 29 февраля.

1937

- Военно-морской географический справочник по Балтийскому театру. Л.: ВМА.
Владивостокский отряд крейсеров в русско-японскую войну // Мор. сб. № 3. С. 114—137.
Операция Владивостокского отряда крейсеров в июле 1904 года // Мор. сб. № 4. С. 3—30.

1939

- Операции владивостокских крейсеров в русско-японскую войну 1904—1905 гг. М.; Л.: Военмориздат.
Порты юго-западной части Финского залива и восточного побережья Балтийского моря. Л.: ВМА.
Альбом рабочих карт по морским театрам. Л.: ВМА.
Порты юго-западной части Балтийского моря. Л.: ВМА.
Северо-западное побережье Финского залива. Л.: ВМА.
Справочные материалы по портам Балтийского моря. Л.: ВМА.
Краткая географическая справка о Финляндии // Бюл. политотдела пограничных войск НКВД Карельского округа.
Русские владивостокские крейсера в войну 1904—1905 гг. // Боевая вахта. 10 августа.

1940

История морских театров нашего государства на базе развития международных отношений. Л.: ВМА.

О преподавании военно-морской географии // Кадры флота. 2 ноября.

1941

Театр и силы на базе международных отношений. Л.: ВМА.

На приеме у К. Е. Ворошилова // Ворошиловец. 11 февраля.

Театры на базе истории международных отношений. Л.: ВМА.

1942

Понимание нужд фронта ускоряет темпы работы // Ворошиловец. 25 июля.

1943

Некоторые особенности условий естественной маскировки. Л.: ВМА.

Новое в оценке географической среды в свете опыта текущей войны. Л.: ВМА.

Боевая работа гидрографов. Самарканд: ВМА.

Новая форма должна поднять требовательность командира к себе и подчиненным // Ворошиловец. 17 апреля.

Советский офицер — преемник традиций русской армии // Ворсшиловец. 14 августа.

Мой вам совет // Ворошиловец. 22 августа.

Советский морской офицер и флотские традиции // Красный Флот. 24 октября.

Кругозор морского офицера // Красный Флот. 23 декабря.

1944

Современные флоты, их состав и деятельность. Л.: ВМА.

Приморский район Восточной Померании от Штольцмюнде до Свиномюнде. Л.: ВМА.

О кругозоре советского морского офицера // О воспитании морского офицера. М.: Военмориздат.

Очередные задачи по изучению иностранных языков // Ворошиловец. 17 мая.

К новому подъему в обучении слушателей иностранными языками // Ворошиловец. 3 ноября.

О дисциплине во флоте // Красный Балтийский флот. 26 ноября.

1945

Соображения о значении, оперативной оценке финских шхер и дальнейшей работе по их изучению. Л.: ВМА.

Новая обстановка на советском Дальнем Востоке // Мор. сб. № 8—9. С. 137—148.

1952

Первооткрыватели новых земель // Мор. флот. 12 марта.

1954

Выдающийся русский ученый и флотоводец // Водный транспорт. 13 апреля.

Оглавление

	Стр.
От редактора	5
Предисловие	7
Глава 1. Детство, юность. В Морском корпусе. Через три океана на „Богатыре”	9
Глава 2. На Владивостокском отряде крейсеров. Уроки русско-японской войны. Служба в Генморе	34
Глава 3. В Военно-морской академии. Во главе Военно-морской редакции. Морской эксперт в Женеве. Великая Отечественная война	63
Глава 4. Во главе редакции „Морского сборника”. В Географическом обществе и Доме ученых им. М. Горького АН СССР	93
Заключение	115
Основные даты жизни и деятельности В. Е. Егорьева	118
Научные труды В. Е. Егорьева	121

Научно-популярное издание

Виталий Дмитриевич Доценко
ВСЕВОЛОД ЕВГЕНЬЕВИЧ ЕГОРЬЕВ
(1883—1967)

Утверждено к печати

Редколлегией серии „Научно-биографическая литература”

Редактор издательства *А. Л. Иванова*. Технический редактор *В. В. Шиханова*
 Корректоры *О. И. Буркова* и *С. И. Семиглазова*

ЛР № 020297 от 27.11.91. Подписано к печати 19.10.95. Формат 84 × 108 ¹/₃₂.
 Бумага офсетная. Печать офсетная. Усл. печ. л. 6.72. Уч.-изд. л. 6.7.
 Тираж 1000. Тип. зак. № 3477. С. 1236.

Санкт-Петербургская издательская фирма РАН
 199034, Санкт-Петербург, Менделеевская лин., 1

Санкт-Петербургская типография № 1 РАН
 199034, Санкт-Петербург, 9 лин., 12

В.Д.Доценко

**Всеволод Евгеньевич
ЕГОРЬЕВ**

Санкт-Петербург
„НАУКА”
